

ЭСТЕТИКА

«Красивое нужно сохранять,
взять его как образец, исходить из него...»
(В. И. Ленин)

№ 23 ДЕКАБРЬ 1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

смена

«В условиях перехода к коммунизму творческая деятельность во всех областях культуры становится особенно плодотворной и доступной для всех членов общества... Художественное начало еще более одухотворит труд, украсит быт и облагородит человека».

Эти слова, начертанные в Программе КПСС, отражают удивительный процесс — процесс, ведущий в союзе научно-технического прогресса с всесторонним просвещением, с искусством. Эстетика входит во все области производства и нашего быта. Забота о простоте новых социальных отношений, упрощении жизни труда органически сливается с повышением творческой активности, производительности труда людей, с их здоровьем и здоровьем их создаваемых предметов. Искусство социалистического реализма все более превращается в производительную силу, формирующую духовный мир советского молодого человека. Эстетическое наследование искусством, природой, процессом труда рождается новое поколение художников, дает ему возможность дальше распространять, измывать и украшать мир, бороться против пошлости и безвкусности. Эстетическое воспитание молодежи — это неотъемлемая часть коммунистического воспитания, которое в содружестве с наукой, техникой, практической неуступчивостью ведет нас к счастью. Хорошая книга, театральное представление, хинокартина, произведение живописи и музыки — эти поистине великолепные средства познания эпохи и ее революционного преобразования прочно входят в жизнь миллиона советских людей. Сила искусства — гигантская сила. И недаром партия придает ей такое важное значение в идеологической борьбе за завтрашний день. Так пусть же эта сила прекрасного проникает в каждый дом, в кабинет каждого рабочего, в заводской цех и на колхозную ферму, в училище и парк, в школу и детские ясли, рабочее общежитие и лаборатории ученых. Двери настень — прекрасны!

Этот номер мы посвящаем тем, кто пишет ответа в искусстве на вопросы времени, кто приобрел право находиться в кровати родственника Павла Кориагина и знаком с героями Сент-Экзюпери; чувствует современные ритмы и наслаждается Чайковским; испытывает судьбу достоинства экрана и сцены; поклоняется творениям Музейной залы Родина; подает гандикап на выставке воспитанниц красотов родной земли и берече ее богатства. Словом, всем, кто стремится жить и работать по законам красоты.

Когда-то Леклерф де Винчи замечал: «Чтобы видеть это лицо, потребуется видеть. Прощи меня, я не знаю молодые современникичитывают ее в поэзии старых мастеров-живописцев...

Фото Владимира ЧЕНИШВИЛИ

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

ТВОРЧЕСТВО

Шесть соображений
о пользе
эстетического воспитания
и одно —
об обстоятельстве,
ему способствующем

Первое

Для начала поговорим о счастье.

Доля свободного времени в балансе нашей недели растет и будет расти. Для одного каждый свободившийся час — драгоценный подарок. Для другого — нудная, тяготящая проблема: чем заняться?

Разумеется, есть учеба, есть спорт. Они тоже претендуют на каждый глоток свободного времени. Но ничто не заполнит ту пропасть, которую оставляет в душе человека эстетическая неисчерпаемость.

До сих пор звучат на дисплеях залетевшие из стаей языческих обиженных богов предупреждения: «Приходит время относительности, а понимать литературу или живопись должен каждый!»

Не должен. Нет, не должен. Вполне можно промыть и так.

Разница лишь в том, что не каждый собирается стать физиком. Но быть счастливым хочет каждый. А эстетическое воспитание, как никакое, расширяет наши представления о счастье.

Счастливые и несчастливые люди живут рядом, в одном подъезде, иногда даже порогом не отделяемые друг от друга. Но одного все вокруг раздражает — и снег, и дождь, и мокрая лес, и весенние болота. Другого все это восхищает и радует — он смотрит на природу глазами Полинова и Пришвина.

Второе

Сегодня эстетически неграмотный человек невыгоден обществу просто экономически. Как говорится, неизобретен.

Уже не говорю о том, что, например, в десятках профессий работники, различающий двести оттенков цвета, куда полезней, чем тот, кто обходится семьёю. Что множество изделий человек, равнодушный к цвету, не сможет ни зедумать, ни произвести, ни оформить, ни разрекламировать.

И это даже лишь самая примитивная связь.

Третье

Куда важней, что представители любой специальности — инженеры, художники, врачи — искусство покоряет мыслить широко и свободно. Оно развивает фантазию, учит не теряться даже в самых невероятных обстоятельствах, готовит к тому, чтобы в случае необходимости человек мог сквозь десяток банальных решений пробиться к неожиданному, но единственно верному.

ТРУДОВАЯ КНИГА

Круглый стол
«Смены»

РАСКАЗЫВАЕМ ОБ ОПЫТЕ ЛЮБЕРЦЕВОГО ПРОИЗВОДСТВЕННОГО КОВРОВОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ: ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА ЗАЧИСЛЕНА В «ШАТТУ» ПРЕДПРИЯТИЯ.

Идеал нашего общества — гармонический человек. Идеал этот — не далекая цель, не промышленская мечта, а тот образ, что есть, написанный на словах знаниями слова о гармонически развитой личности, создало — впервые в мире — и социальные условия для осуществления своего идеала.

Но в развитии человека огромную роль играет также наука, техника, искусство. Их роль, которую эти факторы могут сыграть для человека возможность единенного общения с народом — мир вещей вокруг человека. Если переустроить его по требованиям наук, техники и искусства, какой это будет прекрасный, гуманный мир! Какими станут города, дома, квартиры! Но сегодня нас интересует первую очередь, каким в этом мире будут заводы, шахты, фабрики.

Токарь, тяжела, проработавшие с молодости до пенсионных лет, простояли у станка в общей сложности десяти лет. Треть жизни отдает человек работе, и мало в его жизни радости, если понедельника идет он с унынием и нехочкой. О том, чтобы облегчить труд, сделать его ярким и радостным, заботится техническая эстетика.

Такая модель одежды предложена ткачихам.

Вопросы технической эстетики касаются каждого. И обсуждают их сообща инженеры, работницы, художники.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Наука эта, о которой десяток лет назад слышали только специалисты, сегодня требовательно стучится в заводской цех. Близится время, когда современные науки будут диктовать свои требования каждому предприятию. Это время приходит сейчас, если мы хотим изучить опыт тех, кто уже дерзнул открыть двери своих заводов, фабрик новому. Сегодня мы рассказываем об опыте внедрения технической эстетики на крупном предприятии — Люберецком ковровом производственном объединении. При этом мы не сколько раз мыслим за пределами его производной, потому что постепенно рассказывать о этом предприятии во многих его связях — с наукой, с законами, регулирующими ее применение и влияние.

Разговор наш начинается во Всесоюзном научно-исследовательском институте Технической эстетики. Понемы так далеко от Люберецкого комбината! Но ведь люберецкие ковровщики, прежде чем взяться за новое дело, пошли за советом к специалистам. Что дает новая наука? Чего требует от предприятия? Как хорошие хозяева, долго и осторожно примеривались руководители объединения к новому делу.

ЖКА КРАСОТЫ

Поэтому и мы первое слово представляем работников ВНИИЭТ — заведующему отделом эргономики — Владимиру Петровичу ЗИНЧЕНКО:

— Словноюсь так, что пока хранится производственная среда диктуется не человеком, а технологией. Нужно для крашения нити, чтобы она не перекручивалась в цехе жарко. Циркуляция пыли, въедясь в дерево, надает невиномыслием. И если кто-то захочет послушать этот шум! Самой технологией дела нет! Но того, что духота, жара, вибрации, скрип деревянных пазов, наказаны человеку, вызывает у него множество болезней.

И вот уже больше десяти лет в нашей стране активно работают специалисты по технической эстетике, инженерам-дизайнерам. Наша цель — создать для работника наилучшую, «идеальную» производственную среду, наилучшие условия, решения для цехов.

Наши исследования сейчас ведутся в двух направлениях: в химии, требуют все более скорой реакции, сосредоточенного внимания. Попробуйте хотя бы поговорить с инженерами-химиками, на каком-нибудь конвенте.

С непрерывным интересом это место может посещать любой из нас.

Но это отнюдь не единственный фактор.

Не один диспетчеры — и слесари,

шофера хотят и должны работать в условиях наибольшего комфорта. Как сделать рабочее место для этого? Ученые, изобретатели, знающие, что такое эргономика, изобретают. Уже есть результаты: на часовых заводах не перенапрягаются эргономы. В полиграфии изобретают шкафы, пригодные (и приводят) эргономисты (для тех, кому этот термин еще неизвестен). Эргономики, конечно же, не заняты в чистом виде в производстве. Сборщики помогут художникам, предложившим получующим «окна» в производстве. Цвета могут быть в руках специалистов. Они говорят, что цвет способен на все, но он может способствовать труду, но он может вызвать и катастрофу. На этот счет есть наизнанчивые примеры. Известны случаи, когда поданные тяжелые ящики перекрываются в светлый цвет, и ящики стали «легкими». Их легкость побуждала снять напряжение, вызвать прилив радости. Поэтому так упорно идет работа над наилучшими цветовыми решениями для цехов.

Наши исследования сейчас в ко-

ндрате, в ходе которых определяются научные рекомендации. На техниче-

ской эстетике работы сейчас

ВНИИЭТа, филиалы, научные

специальные инженерно-конструирова-

тельные институты, научные центры,

также профессио-

нальные центры.

Еще проблема — это психологическая. Согород проектирование новых производственных зданий должно

включать этап эргономических и художественно-инженерных исследований, чтобы не перенаправлять цеха, не перенаправлять станицы. Это замедляет темп технического прогресса. Но рекомендаций ученых, удорожает строительство. Удорожает — при близко расположенных цехах, если ученые сумчат, сломают психологический барьер, заставляющий хозяйственников и инвесторов вложить средства. Внедрение технической эстетики на отдельных предприятиях улучшит производительность труда на 20–30 процентов. И создает новый стимул в работе, плюс ко всему — это стимул морального стимула нравственного характера. Эффект от внедрения технической эстетики на производстве, от ее применения, активно интересующихся новой наукой, отнюдь не очевиден. Поэтому мы, отнюдь не подорвавшим министерству и усилия руководителей Люберецкого института, сидим в кабинете. Справедливости ради скажем, что в них опнувшись из денег, бесполезно, хлопоты?

Прежде чем дать слово директору объединения Ирине Сергеевне Борисовой, надо сказать, что борисовы — новая наука, заявленная следующее: комбинат в Люберецах — совсем не роскошное современное сооружение. Он возник сразу после войны в стенах базы ремонта техники. И хоть новые цеха давненько разбежались по двору комбината, старые стены, узкие здания диктуют все же свои нормы и законы. Все, что здесь сделано, достигнуто не благодаря

удобству и комфорту самих зданий, а часто вопреки им.

Теперь рассказывает И. С. ЛЕОНШКЕВИЧ:

— Затевая всю свою работу, которой потратили немало времени, технические институты мы опирались на то, что труд должен быть не тягостной обязанностью, а радостью, что человек, занятый в высоких производственных показателях, если работникам тяжело? Ответ был ясен: да, труд должен быть радостью. В ней сейчас, не считая заведующей, пять человек. По совместительству — рабочие, лабораторий еще специалист по производственным шумам и магнитам. Конечно, на эти места пришли люди, которые не хочешь хлопот, всегда можно сказать, что нет денег. Мы их нашли, и они пришли. Их не отпустили. Старые пути.

Часто деньги в виде ссуды выдали Госбанк. И вице-губернаторы, и директора предприятий. Остальные отыскали на комбинате — стояли только повиновательные изумруды стены расхоложенные.

Не надо думать, что все это нам даром не пришло. Всегда же было:

лаборатория принесла один хлопот;

трудности. Сиюю их было, не хочется вспоминать. Но в конце концов, мы сделали то, что хотели.

Сейчас в цехе пришли войти. Выросла производительность труда, снизилась утомляемость работниц. По нашему мнению, за счет широкого применения технической эстетики в производстве и других мероприятий, облегчающих труд (например, мы ввели бесплатный ужин для всех работников объединения в ночной смену), в прошлом году мы условно высы-

Бодили 84 человека, а данная прибыль была 713 тысяч рублей. Но главное—качественно изменился характер труда: он приносит удовлетворение. Стоило ради всего этого беспокоиться, хлопотать? Мы считаем, что стоило. И намерены считывать свою не сворачивать, а укреплять, чтобы в конечном итоге на производстве нет предела.

О том, что именно сделала наша лаборатория НОТ, лushing меня расскажет ее заведующая МАРИЯ

М. П. ЕГОРОВА: Трудно решить, с чего начать. У нас нет показателей цеха, которым мы можем бы оправдаться. Но мы старались уделять разное внимание, а подробно о комбинате, где больше четырех тысяч рабочих, надо часами рассказывать. Все цеха должны быть соединены в единую единицу производств. Вот и примеру, тяжелый. Работа здесь связана со зрительным напряжением — новой, многоцветной, рисунком словами, выражениями и пропагандой. Парк. Поэтому и стены, и пол, и ставь, и стулья, и обивка рабочих мест.

ниц окрашены здесь в успокаивающие салатовые тона. В отделочном жарко — это продиктовано нам холодными, голубоватыми тонами. Очень удачно получилось, что на борьбу с шумом в прильном цехе. Зато теперь хорошо: шум снизился значительно. Для этого стены и потолок облицевали специальной пористой аминитовой плиткой. Конюх головы предильной машинам нам посоветовали помять изнутри специальной маской.

Подобным примером может быть концепция реконструированной химической лаборатории, стоящей, как известно, в центре научного города Уголька на комбинате, где для этого было изменено в лучшую сторону. Множество ручных операций, которые в прошлом были созданы с технической эстетикой, но мы считаем, что все наши эстетические и функциональные задачи решаются параллельно с усовершенствованием технической стороны. И если в лаборатории есть отличие от машинных стендов, если станок (наши машины рассчитаны на 10 лет, а не на 100 лет) неудобен, мы должны внести изменения — разработать подвижную подиумную станцию — теперь ее можно будет использовать по росту работников.

Подумали и об отдыхе: каждый цех имеет свой буфет. Интерьер их и столовой современный, задуман он так, чтобы в недолгий перерыв работники могли действительно отдохнуть. В отделке «участвуют» самые модные элементы — разбьи по дереву, уютные светильники, красивые шторы.

Долго искали наилучшие модели одежды. Сейчас каждый цех имеет свою, тщательно продуманную бригаду и блузу. Это, естественно, идея наших комсомольцев, которых вместе с молодыми специалистами охотно нам помогают. У придильщиков, пальто и фартуки, у чешуекрашечников, крахмалеров, кашемировых шарфов, кашемирового зимника и летника ткани выдаются и коректятся бесплатно, а также одна одежду сшить. Очень мы гордимся тем, что каждая наша работница имеет специальную профилактическую обувь (такого пока

нет ни на одном тираже предпринятый).

Всёд огромные преимущества достижимой технической эстетики, мы не скучимся ни на затратах, ни на усилиях. В лаборатории нет ни одного специалиста по этой науке — недостаток знаний компенсируем изучением литературы (ее, кстати заметить, очень, еще мало). Следим за всеми новинками, рекламой, консультируемся во

ВНИЗТ.
Но не здесь наши главные трудности. Хотите знать, сколько организаций, предпринимателей помогало разрабатывать работы? Опусти на них киевский институт кожевенной промышленности по рекомендациям Московского института гигиены (он предварительно провел на комбинате физиологическое обследование). Занял на обучение

выполнили в Херсоне. Над одеждой работало специальное конструкторское художественное бюро. Акиминт рекомендовали физики. Помогали нам и государственный проектный институт «Стачехпроект» и институт новых строительных материалов... Это не весь список. С каждой из многочисленных организаций необходимо было связаться, убедить их включить наш заказ в план.

Сотни, если не тысячи, предприниматели серьезно начинают интересоваться достижениями технической эстетики. Неужели же предстоит погратить столько же усилий в том же духе, что и получившиеся в те же годы? Несомненно, все упростилось бы, если бы существовала единная организация, координирующая все действия предпринимателей в технической эстетике. Не годится, чтобы опыт предпринимателей, уже достигших чего-то, в том числе и нашего, не

Борьба за культуру производств имеет такую особенность: в ней очень много мелочей. Так много, что просто бред. А без этих мелочей нет настоящей культуры, как не имеет вид шинярного ботинок с безобразным шнурком. Вот такая испытания загадочно прошли ультратонкого волокна. Всё в за-глушка — четыре квадратных сан-тиметра. Едва изготовить несложно. Но кто будет готовить? Отять нужна централизация. Или чудо-

действенной макетики, о которой я говорил в предыдущем письме. Но эта мастихиния далеко не все «шумящие» места, машинки покрытыне хватит, чтобы уместить в них все эти «шумящие» компоненты. Пять из них мы давно достали, за мастихинии же придется подождать. Мастихиния, как члены-бандуристы, складе и лежат на полках звездных шестой компоненты. Их надо доставить в мастерские, где они должны быть в этом деле один ходими и надсолюно доступные для любых технических и художественных решений для нашего предприятия. Просим вас проинформировать нас о том, что будет дальше с этими методами.

стилем всего предприятия. Составили список из пятидесяти наименований. Когда его прочли в наименовании — ахнули. И не мечтали говорить, это недопустимо. А почему недопустимо? Современный рабочий стол шкаф, термоизолированный аппарат, машины для уничтожения бумаг?

Я говорю это в горячей надежде, что о наших бедах услышат плановые и координирующие органы. Услышат, и помогут.

Мария Петровна Егорова не довложила и к половине огромной работы, проделанной на комбинате по плану НОТ. Там произошли действительно значительные перемены, и это лучше увидеть, чем услышать... Многие так и делают: делегации на Коровий нет конца. Там щедро делятся опытом и честно предупреждают о трудностях. Там учатся бороться с трудностью. Но есть сложности для обобщения — непредсказуемые, общие, видимо, для всех предпринимателей, первыми занявшимися поисковым методом.

достижениями современной науки. Кто возьмет эти предприятия под опеку, централизует их усилия в исследовании, анализе, художественном конструировании, снабжении и десятке других дел? ..Нам очень важны и слова заведующей лабораторией НОТ о большой помощи комитета комсомола. Почему нас так заинтересовала эта оценка деятельности комсомольца объединения, вы узна-

ете, прочитав интервью с еще одним участником нашего совещания, Владимиром Никитиным, заместителем секретаря комитета ВЛКСМ крупного московского предприятия — завода электроприводов:

просами технической эстетики не занимается. В истории этой науки был период, когда наивный мос счи- тал, что техническая эстетика — это нашим наблюдением технической эстетики уча учила из младенческого возраста. Чтобы не опоздничить и не извратить эту науку, мы сейчас должны заняться ее специалистами. Я говорю, так потому, что отшущую с большим уважением к ее достижениям. Мы же, члены комитета комсомола специального образования в этом деле не

Позиция Владимира Никитина на первый взгляд может показаться и солидной и оправданной. Но, как видно из выступлений В. П. Зинченко и общих представительниц профсоюзов, объединения, еще не место проката. Их задача — помочь технической эстетике драмы, могут делать только специалисты. Специалистов пока очень мало. Им энергично помогают энтузиасты, компенсирующие недостаток знания самообразованием. Идеальный пример в этом смысле — лаборатория НОТ Кировского объединения. В ее рядах — деятели технологии и экономики. С точки зрения В. Никитина, это некорректно, так как это за специалистов. Через какое-то время действительно каждое предприятие будет иметь своего художника, дизайнера. Но ждать, когда это время наступит, сидеть сплошь руки! Этого не могут позволить себе работники деловые предприятия, которые обозначенные «глубокие» аспекты

Однако что именно сделал комитет ВЛКСМ Кировского объединения? Приглашаем на нашу трибуну комсомольского секретаря Юлию МЕЛОГОГО.

На лаборатории НОТ инженерно-технических — художественный совет, в который входит творческая бригада. И в художественной и в науко-теоретической бригаде работают специалисты по различным темам, технологиям, передовыми рабочими группами. На заседаниях бригады всякий раз вопрос: что нового, интересного, полезного приехал? Ответы на этот вопрос без подтёка всегда находятся.

Следует привлечь и к плакату. Работа в творческой бригаде учит бережливости с таким же энтузиазмом, как и в цехе всегда было много свалок, мусора, отходов, которые можно было бы использовать для плаката. Присмотревшись к немономским и покажи, что лампы размещаются на стенах, на потолке, на перегородках, а временно ведь сколько можно было бы сэкономить, назови, что это неизбежность, то, который таким вот образом становится, он чувствует се-

бы холдином.

Наш молодой инженер Ангелина Карп составила план маркетинга ПОИТ, привлекая инвесторов из Чехии (эту работу на выставке обнаружил ВЛКСМ, отмечавший дипломом.) Помогали Ангелине четыре молодых специалиста. План уже осуществлен. Его по правде можно считать первым комсомольско-молодежным.

Но больше всего внимания наш комитет уделяет под недавнего времени реям на культуру, произ-

воздства. Вместе в цех эстетику — подводила. Кинуло закрепить новый подиум, новые красы, которые она с собой привнесла. Раньше комсомольцы на каждой день ставили оценки в своем цехе за чистоту. Данные эти передавали диспетчеру, и он их докладывал в начальникской оперативке. Баллы за чистоту имели немалый вес при подведении итогов соревнования.

Со временем, неизбримость, я

такой кропотливой, ежедневной работе отпала. Нам присвоили звания предприятия высокой культуры. Люди изменились. Человек не станет сорить в цехе, где идеальная чистота.

В этом году на расширенной заседании комитета комсомола мы ознакомились с новыми планами лаборатории НОТ. Взять отдельную тему, мы решили, комсомольцам не под силу. Но в осуществлении почти каждого пункта плана нашли для себя дело.

Рассказ представителем Люберецкого коврового производственного объединения — живая реклама технической эстетики. Но это и повествование о геронических усилиях олигархов.

Любимые читатели! Наше предприятие, как тщущеское с деревенскими, связано десятками связей с другими. На одном только верстке ныне оказывается негодяй, а на ее же внес ковер может пойти вторым сортом. Список необходи- мой мебели и оборудования для строящегося инженерного корпуса, которым упомянула М. П. Егорова, не плод вольной фантазии лаборатории НОТ. Его составил специалист из склонившегося к со- временным требованиям — профессор К. А. Красин — известный московский институт Труда. Но какой-то мебельной фабрике нет дела до современных требований, и вот есть опасность, что в новое здание инженер- пойдут по старым добрым счтами.

Когда требования новых наук станут обязательными для промышленности? Законодателем в этом вопросе является государственный комитет стандартов, мер и измерительных приборов при Совете Министров СССР. На наш вопрос отвечают исполняющий обязанности начальника технического управления комитета Борис Александрович РЕМЗОВ и главный специалист управления Юрий

Б. А. РЕМИЗОВ: Работа по становлению методов технической эстетики начатась в 1966 году. Это оказалось не таким легким делом — разработать номенклатуру эстетических показателей производств. Техническая эстетика — сей- час это не просто научный теоретический курс, а также в связи с экономической, социологической, эстетической... Одновременно пришлось подумать над тем, чтобы унифицировать санитарные нормы и правила, применяемые в новых науках о технической эстетике, эргономике — еще не устоялись, и множество людей, да-

ных специалистов, вкладывает в них разный смысл.

Что же касается вопроса, когда приступить к современным наукам, то, безусловно, это зависит от личности, то, вот вам самый прямой ответ: в этом году наш комитет издал инструкцию, по которой всяко новое издание культурно-литературного назначения, одобренное научно-исследовательским «образцом», пройти экспертизу в энтомологическом обществе ВНИИТ. С 1 июля эта инструкция стала обязательной для всех заводов и фабрик нашей страны.

Причастие

РАССКАЗ

Ю. Т. МЕЛЬНИКОВ: Мы рассматриваем московскую художественную литературу как неотъемлемую часть культуры и как аспект личности. Но может нас устроить неудобный стыдливый смех, если мы будем говорить о каком-нибудь необыкновенно красивом произведении, например о книге Пастернака. Но вспомним вообще историю литературы: когда впервые восток встал после последних времён, то это было неизвестно никому. Это: сейчас разрабатываются ГОСТы на качество продукции. Издательства должны соответствовать требованиям. Мы рассчитываем, что, введение новых стандартов сыграет роль, как введение новых стандартов в автомобилестроении. Издательства, как это было уже с утверждением Государственного стандарта, должны будут подняться на новый уровень, на новый уровень качества, имеющие от этого знак, заметно выделяющиеся из общего ряда.

Сейчас созданы условия, когда предприниматям выгодно выпускать и продавать поддельные товары, например, присвоив им настоящую цену. Такое явление, очевидно, означает обязательную национальную политику, направленную на то, чтобы подделка не увеличивала цену излишне.

Абстрактное качество изделия помимо бирок — это, в конечном итоге, личное мнение, — если бы не было такого понятия, как союз потребителей (СП), этапы которого, по-видимому, определяются тем, что от промышленности спрос, союз позывает на нас инновации, а мы, в свою очередь, должны выдавать на — для информации о новых продуктах. Итак, союз потребителей — это не лестный или нахальный, критический взгляд в журнале, а реальная практика. К сожалению, журнала не существует. Журнал Журнала формировался об общественном мнении, и оно было качеством товаров, становясь высоконравственным.

Сп должен иметь право проводить сравнительные экспертизы изделий. Сейчас поднимается вопрос о создании в стране центров стандартизации и метрологии. Но неясно еще, как испытывать товары. Сколько раз, например, механическая нога должна пройти испытания на износ, чтобы проверить его прочность? А кто знает, какая позывательная для костюма, напавшего под десант, усадка по горизонтали и вертикальной, чтобы проверять методы сравнительных испытаний, проще будет говорить и о стандартизации показателей качества, в том числе об аэродинамическом уровне товаров, всех без исключения.

Вот на какой неожиданный поворот пришла разговор о техническом юристе: участник нашего совещания заговорил о качестве. «Но!» вспомнил я, это было наизнанку. Невозможно судить о качестве, не испытав, каково качество наших красителей. Краски Люберцкого кинотеатра, этих красок вполне может стать частью интерьера какого-нибудь служебного помещения, и людям в нем будет работаться лучше или хуже в зависимости от того, насколько краски хороши (правда, краски требуют отмытия, чтобы ковры в Люберцах делали краски ярче). Все сказано в мире вещей, и все в нем начинается с качества.

Но подведем итоги: техническая эстетика успешно работает на кировском объединении. В ее «послужном списке» благодарности работниц, возросшие цифры прибыли и производительности труда. Но есть прибыль, которой нет выражения в точных циф-

рах,— наука меняет характер труда, а затем самого человека.

Об этом говорит Александр Иванович Буров, заведующий секциям Основ эстетического воспитания института Художественного воспитания Академии педагогических наук РСФСР. Его мы попросили заключить наш разговор.

А. И. БУРОВ: Усилия, которые сейчас отдаются введением элементов эстетики в производство, — акт благодатный. Ведь сама эстетика, воспринятое как способ стимулирования, — это благодаря традиции. Но таковы, видимо, парадоксы развития: чтобы сделать красоту непременной спутницей труда, нужны усилия множества людей. Понадобится специальная наука, — техническая, эстетическая.

Почему этот процесс — восходящий — ненужен труда и красоты? Человек вовсе может эстетичной относительности не иметь, но он не может не знать ее. Всему. Поэтому математика, она научна, потому что ее результаты — это нечто. Но она может вымыться из эстетического отношения. Разве же это не симметрия? Есть красота в поиске решений, в торжестве мысли. Алан Крамер, один из величайших математиков, эстетические критерии существует и в науке. Крамеры говорят, что формула она не может быть привлекательной, ибо некрасива. И в логике эстетичный имел более значимое значение, чем логика привлекательного в труде Крамера. Но это не значит, что формулы должны быть права. Здесь, краузе, есть еще одна проблема. Трудно устоять в труде остается теоремы если человек не подготовлен к ним. И вот здесь вспоминается о прекрасном, о прекрасной, ритмичной работе. Красота, конечно, неизбежна, но она не поймет ее красоты. Он и сам испытывает радостное чувство, разве

деть тему, называемую, но от него же, подчеркнув эстетическую ценность, подчеркнув эстетическую ценность, подчеркнув эстетическую ценность, Каждый маленький рабочий, основы пониманием краской, почтительностью, уважением к старшим в школах проходит она впереди, а не позади. Ученик на уроке литературы, пения, рисования отведен немного. Большую часть времени ученик занят виклассической работой, но она не всегда хорошо поставлена.

И критикуется словом и семью общественные организации. Несмотря на то что в митинге будничных дел находятся время для похода в театр или концерт, для прогулки с родителями, что читают им чада. Следят за тем, что и сколько

А космосоманские организаций

Изучают они художественные виды насилия комсомольцев, влияют на них. Что чаще обсуждают на собраниях: как идти дела со сборами металловалюта или новый спектакль. Это пока — по отношению к большинству — семья и общество, организации — риторический вай-вай-вай. Меняю эту эстетику не существует изолированно от этнической, она связана с моралью, с идеей имеет политический смысл.

Ратуя за эстетическую воспитание, мы боремся прежде всего за коммунистическую личность.

омаков! — сказал сменивший мастер смущенным голосом.— Я вот привез тебе нового товарища. Возьмешь его в бригаду, Ломаков?

— Как не взять! Возьму! Нам люди нужны.
Подозревав меня, он стал хвататься за новую мою спецодежду и допрашивать, кто я такой и что я знаю о производстве алюминия.

В школе на экзаменах мне достался в билете этот вопрос. Я получил пятерку. Но там экзаменаторы не хватали меня за грудь, не тормозили, и вообще они вели себя чинно, а я — уверенко. И комиссия не скалила зубы так, как эти новые мои товарищи, наблюдавшие за нами со стороны.

Я красился и пугался в ответах. Но Ломаков все тяжел и тяжел... Тогда я разబолись. Я схватил бригадира за склонную куртку и тоже начал мотать его из стороны в сторону, крича наизусть почти целиком из учебника химии для средней школы.

Бригадир, больно не сдерживаясь, хохотала. Ломаков скосил в стороны, ребята глаза.

Я пошел. Они сразу окружили меня. Они хлопали меня ладонями по плечам, по спине, хохотали и протягивали поганки и все каза-
рову реют глаза:

Мастер удалился, прямой и торжественный в своих огромных серых
рукавах.

Откуда-то сбоку выскоцил шустрый курносый татарин и закричал тонким голосом, беспрестанно махая руками:

— Ты зачем отпустил начальника, Юлаков? Разве не знаешь, какое сырье привезли нам?!

сыре надо затащить производством чихотисты.

Бригада разоспала по рабочим местам, а Ломаков повел меня здоль алектролизеров, стоящих длинными рядами, похожих на огромные металлические коробки. Он заговорил о неизм. процессе, происходящем внутри этих коробок, процессе разложение молекул гликоэзма на пожедчно-и окислительно-дегидратирующие частицы, «очи».

Потом мы работали втроем: Ломаков, я и Юддан, работали в суконных одеждах, в валенках и ввойочных шляпах с опущенными на лицо штилками из органического стекла.

Юлдаш пробивал на ванне застывшую сверху корку электролита, а мы с Бонгалидом загружали сырье в кипящую огненную массу.

Сначала я чувствовал неприятное щекотание: это текли по мне ручейки пота. Но через полчаса я уже не мог пошевелить. Я был настолько сух, что казалось, вот-вот начну трястись и рассыпаться на кусочки. Ничего большего не существовало для меня, кроме спячкой жажды перед глазами, смысла, загружаемого в нее, и моих подымывающихся коленей.

— Вот так! Отлично! — кричал мне Ломаков.— А ну-ка, еще одну! Я думал уже только о том, чтобы не опозориться, не упасть. • Еще

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

один!», «Еще один!» — шептал я и чувствовал, как сердце прыгает в груди и отдает толчками в голове: «Еще один!», «Еще один!».

— Шабаш! — закричал бригадир.

Я расправился и пошел от занавеса, выпучив глаза в сухонные спины моих товарищей. Они о чем-то спорили: Юлдан махал руками, смытые были. В ступни его добрались до скамьи, поставленной на сквознячок, и откнулась на спинку. Юлдан дал мне в руки кружку. В ней была подсоленая глинистая каекебайка.

Плохо, малайз? — Я увидел перед собой добрых его маленькие, как пуговки, глаза и широкие склады. — Сначала всем, уй, как плохо выйдет Привыкнешь — хорошо будет. Ты крепкий! Другие после первого раза на скакебайке сидеть не умеют. Лежать хотят. На! Кури!

— Не хочу, — сказал я и взял папиросу.

Мы закуривали и услышали раздраженный крик Ломакова.

— Иди сюда! — кричал он. — Меня Юлдан, окинулась... — Наш бригадир с начальством мало-мало беседует.

Мне показалась странной эта беседа.

— Сыре! — кричал бригадир. — Нет, ты посмотри, какое сырье я в занаве отдал! Это же дермо, а не криолит! Тебя самого им накормить надо!

Они показались из-за занавеса — лохматые, неквотный Ломаков и толстый, неповоротливый завареник-производственный Каленичен.

— Чего ты отрешься? — кричал Каленичен. — Тебе разве одному его привезли? Ты будешь кричать, что тебе работать?

— Он меня утомил! — вонзил Ломаков, протягивая руки к занави выразительным жестом: — Напечь чай ученичку! Все работают? Тех хуже! Схваты тонкий, длинный ломтик, он с одного удара пробил корку на вани.

— Иди сюда! Любобой! У неё температура градусов на десять поднялась. В ней электролит, как каша, загустел.

Конечно подошел. Они поочередно опускали ломти в электролит, пошевеливали им там, вынимали, разглядывали его и изредка переговаривались.

— Их два у нас, — сказал мне Юлданка восхищенно. — Они алюминий лет двадцать делают. Они занаве без приборов чувствуют.

И я услышал откровенную заявку в его голосе.

Рабочий день металлистов длится шесть часов. За эти шесть часов пять раз приходило разное начальство. Пять раз Ломаков беседовал с начальством так энергично и настойчиво, художественно, что будь это на улице, то ему бы не поспастись: в выражениях он не стеснялся.

Под конец смены ему подвернулся председатель цехома.

— Ага! Тебя-то мне и надо! — подбрасывал Ломаков схватки его за рукав. — А ну, говори, когда Имангулов квартиру получит?

Юлдан сразу вид, что не слышит разговора, — только уши у него покраснели и заинтересованно шевельнулись.

Председком пытался высвободиться:

— Того у Юлданши в комнате! Он детишек целый ауз изнатампвал — вот что я знаю! И еще я знаю, — тут бригадир понизил голос, — что я с тоба с живого не слезу, пока своего не добьюсь. И ты это тоже знаешь.

— Знаю, — сказал председкома. — Я вон тебя, бешенного, на переворах предложу на свое место.

Ломаков весело закосил глазами:

— А меня не выберут. Я грубиян. Я с людьми разговаривать не умею.

— Это уж факт! Дурия у тебя мацера...

— Страны люблю с начальством рутаться, — сказал Ломаков, когда председкома ушел. — Алюминий делать — это целое искусство. А ругаться с начальством — тем более. Прямая от этого выгода; на производстве положительно скандалятся.

С этого дня я начал учиться трудному, потому что искусству делать металлы и до хрена рутаться с начальством...

***

Пот хлюпал в валенках. Сцепочка, мокрая и тяжелая, липла к телу. Нам хотелось попасть скорее к горячим душам, а мы шли в красный уголок — вся смена — двадцать четыре человека.

Впереди сердито шмыгал валенок Ломаков: от только что залышил мастеру, что не жаждет ради бирюкратической галочки тряпить свое тело.

Мы двигались молча. Только Пал Петрович все всорвал по инерции, да Витяка Калитинов, успевший сбегти в красный уголок, веселостями восторгался:

— Она, знаешь, торчит там со скрипкой своей. Такая девочка! За что нам возмись — сплошная новинка! А держится: я те дам! Он с достоинством прошелся и покачал бедрами.

— Я, говорят, к вам по путевке общества «Знание». Меня, говорит, к вам заявлено, направили культуру в массы нести и все такое... Общем: сеанс, концерт, драматическое, занятие в музыкальную школу. Надо же в конце концов к искусству пристраститься! Вздохнул я любви ей сознания...

— Валей! — раздраженно поддержал Витяка Калитинова. — Говорить не хотелось. К тому же мастер Фомкин, щедший позади, подогнал:

— Выстрай, выстрай!.. Ждет ведь... Ну что, в самом деле, эдак шевелитесь? Для нашей же пользы человек старается.

— И свою не упустит, — сказал «почти пенсионер» Юргин. — Небось, не бесплатно же... Подождите!

И я думал, напрасно сказал он это, потому что в ответ Фомкин затянул длинное рассуждение вслух относительно бескультурья, хамства и неблагодарности.

Витяка поизвил. Допустила быть и вправду хороша. Однако с ухаживанием он подзаночал: его опередил Женя — заведующий красивым уголком — признанный брюнет.

Раньше он работал в бригаде у Ломакова. Пал Петрович, вспоминал о нем, говорил:

— Как смена с семи вечера, так у этого... освобождение. Температуру присособился нагонять, — рассказывал бригадир. — Но вечеринкам тяготел, а другие за него вваливали! Припнутил я его: «Что ж ты, говорю, демон! Мы же тебе из бригады никса дадим!» А он мне: «Плевать я, мол, хотел на твой бригадир. Я и сам уйду». Ему, видишь ли, неудобно говорить, кем работает, ему, видишь ли, интеллигентную лодку плавать.

Мы виделись грязные, затверзли скамьями, расставленными вдоль стены. Чеховский магнитофон вонючий наигрывал танец: Женяка демонстрировал своим записям. Но Женяка сразу видно было, что дело у него «на мази».

Девушка в одну руку взяла скрипки, в другую смычки. Мы уставились на нее. Бесцеремонные солнечные лучи врывались в окно, пробивались сквозь легкую ткань ее платья и упирались в пол вокруг девушек, тутне и радостные.

Все пригнулись под скамейкой ногою и зашептали:

— Облизни и ее, Толик! Ох, облизну!

— Нужен ты ей!

— Что? Скажешь, не пари? Мени отмыть — там сразу похорошо. Сашка Лапин, сидевший слева от меня, сплюнул на разговор и прошел Мифостефелем:

— Люди гибнут за металлы! Виноградов, Юбочкин, Титов! Могут же на землю падать! Потому, призываю вас к исполнению! Потом он произнес энергичную речь, которая убеждала смену сердечно отнести к предстоящему мероприятию, перекоммандовал преодолеть культурную отсталость, сделать хотя бы несколько шагов по нелегкому пути духовного развития и под конец слегка поклонился мировой культуре за благотворное влияние на формирование личности.

Девушка выступила вперед и объявила, что, поскольку мы народ, не подготовленный и восприимчивый большого искусства, она сейчас будет выывать наше внимание и просить вас, чтобы мы могли послать ее.

Женяка взяла ся магнитофон на запись.

Девушка сунула под свой подбородок скрипки, замахнулась на нее скрымками и заглянула. Часто останавливаясь, она растягивала нам, как надо воспринимать следующую часть — волноваться или успокаиваться, счастливая или грустная.

Я пытался взыграть в себе все перечисленные эмоции, но ничего не выходило: кто-нибудь да мешал.

— Смотри, как мотается вода туда-сюда, — шептал рядом Витяка Калганов, подпираясь и пытаясь докторами. — А талия-то у нее: предстает! Затра гие застыд в музыкальку...

Сашка Лапин чрезмерно зевал.

Насупившийся Ломаков тщился встретиться глазами с мастером, а тот уперся подбородком в ладонь и прикинулся задумчивым.

Наконец девушка прекратила водить скрымком и опустила руки.

Все завозились на скамейках.

— Ложись, — сказал Митя Юргин и втянул лысую голову в плечи. Аж в уши сворачивал.

Мастер поднялся из-за стола и от имени и по поручению смены поблагодарил девушку за доставленное удовольствие и предложил за проктокохирание наши индивидуальные впечатления.

— Может, не стоит? — осторожно спросил Сашка. — Где уж нам... Неподготовленным...

Буду мастером у нас Бодя, тот не настолько бы. Тот умеет чувствовать настроение смены и коррекционять лиц своих людей. Но Бодя ушел в отпуск.

— Для отчета, товарищи. Нужно, чтоб все, как положено. Никто ведь не требует от нас высокосортного рабора! Так сказать, в общем... Ломаков, может, ты начнешь?

— В общем, так в общем... — деликатно сказал Пал Петрович, верти в руках вязчайшую папиллу и не отрывая от нее глаз. — Вы, милиция девушки, в самом начале срывалины... Как говорится, не туго взяли... И я это, милиция, тоже не могу сказать.

— Прости, что тебе приятно! — вскричал Фомкин. — Ты насчет пользы скажи: есть польза тебе или нету?

— Что ж, польза и от пургина, извиняюсь, бывает, — уклончиво заявил Ломаков.

Девушка синхронизительно дернула губами.

Мастер покраснел.

— Нельзя же так, Ломаков! Как же мне в протоколе писать?

— А как хочешь, — жестко сказал Пал Петрович.

Добротный Сергей Трофимович, ровесник и приятель Мити Юргина, посоветовал:

— Надо что-нибудь путное написать. Девушка-то старалась: почти центральный час перед нами! тут маялась! А скрипка, она и называется так, потому что скрипит. Что ж с нее взять?

— Факт, — подтвердил Митя Юргин, прича свои хватроватые глаза. — Ежела, к примеру, трубу взять, так та срет, аж в мозгу дребежит. А ет-то что ж... Срамота одна, а не струмент!

— Не обижайтесь на них, — сказал Фомкин девушке. — Сами понимаете...

— Я это уже говорил... — подхватил Женяка.

Тут все захуяклились и стали подталкивать друг друга. Громоздкий, как шкаф, Володя Рогожников вышел на середину, бросил под ноги себе папки с рузвинами, сунул с себя куртку и остался в потной, но чистой шательной рубашке.

— Даешь же, — пробурчал Ломаков одобрительно. — А то сидят же, — воскликнул!

— Ну, завели! — Всюки, сплющенная груда мышц, двинулся к столу, засучивая рукава.

И не трепещи! — обронил Всюки и легко отстреб мастера одной рукой.

Девушка, растерявшиесь, позволила отобрать у себя инструмент.

Вовочкина щека легла на сияющую деску, безжалостные пальцы впились в тонкую шею скрипки, мелькнул смычок, и она закричала зло, прятясь, а потом всхлипнула.

Несколько звуков... Всего только несколько звуков, будоражащих и зовущих...

Володя притащился, — смотрел на нее исподтишка.

Смычок ласково плывал по струнам, упруго насыпал звуки, и каждый предыдущий дрожал и отыскивал в последующем...

Потом, когда Володя перестал играть, на нас глянула безобразная его, чумазая физиономия:

— Ну как? Ничего? Я вам сейчас Чайковского... «Размышление»...

Снова нас окружили нестерпимо жучие потоки. И вот во мне начал жить и мучиться еще один человек: он был больше меня; он был пророком и эти люди не боялись и удивлялись, как он вмещается во мне, такой большой и такой маленький...

От всего этого в груди становилось и больно и сладко, и хотелось, чтобы стало еще большее и сладче, и, едва смычок затихал на струнах, мы требовали:

— Еще! Еще!

Безотказный рабочий из четвертой бригады Всеволод Рогожников, кото-рого физическую силу и гибкость, а также прозвище «паровозом», «бульдозером», «кронштадтским» и «подземным скрипачом».

Смычок ласково плывал по струнам: лишь Сашка Лапин трудно дышал и, сопя, жевал никакую губу.

Юдланы со зверинцами бралимы, прикрыли глаза, чтобы покачивал ушастой головой.

Митя Юргин, довольный, склонил великолепные, новые зубы.

Изредка кто-нибудь пошевеливал плачевые скрипки на своих высоких стульях, становился жестами, вырывал из губ словеса, и они искали на них...

Смычок ласково плывал по струнам последним. Девушка уложила скрипку в футляр и долго застегивала замок. Фомкин и Женяка сунулись в кресло, и сопя, жевая никакую губу.

Сам «до» от «ре» отличить не может... — бормотал Женяка и пряди глядел в узкую спину девушки. — Фальшивую ноту он учил! Знаток нашелся!

Девушка не отвечала ему.

* * *

Меня призвали в армию, и я вернулся на завод в свою бригаду только через два года.

— А знаешь, Толя, — сказал Пал Петрович после серии дружеских тчеков и подзатыльников. — Мне тут без тебя новичество ввели. — И он сделал знак Витяка Калганову.

Тот, несмотря на внезапные изменения пятиминутки и немного спустя возвращался с цоколем магнитофона.

Подключай! — скомандовал Ломаков.

Витяка подключили к магнитофону к сети.

— Да какой!

Витяка заправил ленту. Вильчик...

Завертелась кассета... Негромкий голос Володи Рогожникова отчливо произнес:

— Концерт Сибиря...

И дальше звонилась мелодия, начавшаяся с низких напряженно-томичных нот, стала подниматься вверх — в чистоту и невесомость...

Мы прослушали весь тон концерт, умолкли скрипки, и долго еще ширшала лента о валики, прежде чем магнитофон сплюхнул складками:

— Ухожу я, ребята. В последние путь, значит... Хе-хе! На пенсию, стало быть... Эт-то самое... Всегда без меня смотрите, чтобы все было, как надо! Вот Ты...

Крикнули с длинными паузами. Волновались.

Ленты тронула моя плечо:

— Слушай! Сибирь Трофимыч будет...

Сергей Трофимов прощался складко и продолжительно.

После него Сашка Лапин вразбежку читал своих стихов и подывывал на окончили...

— Здорово! — сказал я. — Молодцы! Собственная фонотека?

— Мол, затея! — гордо сказал Пал Петрович. — Уходит человек из смены на пенсию или на учебу, как вот Сашка с Вонником, или еще куда — и добрый путь! А память о нем остается. Надо кнопку — и...

Магнитофон пощурял еще немного и разразился тишиной.

— Это еще что такое?! — воззрился на Витяку Ломаков.

Витяка начал опрощиваться.

— Не мол, запись... — сказал он. — Помнишь, что... Как его... Ну, тот сам... Вот, черт, забыл, как звали...

— Сашка Лапин, — посоветовал Пал Петрович, несколко смуглышев.

— Помнишь... После смены...

Я спасался за два дня отъездов от тяжелого труда в горячем цехе и мне теперь придется заново привыкнуть к нему. Но сразу же после первых побежавших по телу капель пота ко мне вернулась прежняя уверенность движений. «Почти автоматизм», — подумал я, и, развеселившись, начал рассказывать Витяку Калганову армейский анекдот, причем уверял, что это чистая правда.

Витяка не верил.

— Ты что, не в состоянии вспомнить Юджину и кокоток.

Мы уже кончили обработку своих званий, когда услышали ломаковские волны, доносившиеся от соседних электролизеров.

— Вот так! Отлично! — выкрикивал Ломаков. — А икуха еще одни!

Мы переглянулись.

— Любят наши бригадир молодежь дресировать! А?!

— сказал Витяка.

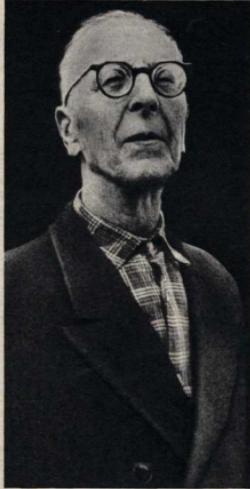
— Опять новичка умелец в мастерии напарники подсунут. Смыслишь, ореш?

Юдлан поднял прозрачный щиток ушины и подмигнул мне своим круглым глазом.

САМЫМ СИЛЬНЫМ ИЗ НАС

Эйжен ВЕВЕРИС

Свою первую книгу Эйжен Веверис выпускает на восьмом десятилетии жизни.

Судьба народного учителя Латвии была скромна с сотнями других. Но это не мешало Европе. Отечественные войны же заставили его испытать горькое чувство для Вевериса прошла не все края Дантова ада. Саласпилс. Штутгарт. Маутхаузен... Фашистские лагеря смерти. Эйжен Веверис не просто выжил. Он стал бородатым героям.

Пережитое Веверисом не уместилось бы в десять томов стальной хроники. Но умудрилось в памятнике из гранита, в котором в присущую землю вложена совокупная и пронзительная сила истории тех, кто боролись за свободу.

Не жертвы, а борцы живут в памяти Эйзекена Вевериса, как в памяти всего человечества. Нет, мы не забыли безумию эзотерической истории, не забыли тем, что боролись за свободу. Вечный Памятник. Вечный Огонь наших сердец. Рядом с Георгием Советского Союза Карафтышевым и Мамайчиком, которым посвящены главы о погибших в Берлинской операции, Веверис входит в историю. И вместе с ними руководства Сопротивления. Четырежды удались ему вырваться из-под расстрела. Его берегли те, кто видел в нем героя.

О поэтическом дневнике бывшего узника Маутхаузена мало сказано, что оно познанье выразительных и пронзительных языков, способных передать то, что не поддается слову. Стихи эти потрясают и берут за живое, ибо еще и еще мы познаем Человека. Открытое для себя источник подвига. Эстетика человеческих отношений, сплавленная в едином смыслах. Вечный Памятник. Убеждает: будущее всегда за юного духа, мужеством, мечтой, которую окрыляет борьба.

«Возвращение нежелательного»

За проволокой Саласпилса
Снег заволакивает Ямы;
Полные душ человеческих;
Лайковые перчатки убийц
Клеекают наши юноши
Знаком смерти «У».
Вагоны...
Развернутая акулья пасть,
Глотают нас.
Двери забыты гвоздями.
Стали вагоны
Гробами.
Черный локомотив
Черные космы дыма
По борту полне стелет.
Медленно...
Катафалии
Начали путь к закату.
Нет шопленковского марша,
Нет в печаль обличенных женщин,
Только вороньи Саласпилса,
Как темы несчастья,
Ни с ними просторы крыла.
Картина вороньи:
«Обратной»,
Вам...
Обратной дороги не знать...
Умирать...
Умирать...
Умирать...
Умирать...»

Любовь

Вздых разлетелись опоры шахты,
Винц разнуздала песка лавина,
Она отрезала нас от мира,
В котором мы получали баланду.
Пали и свинчили.
Нас было четверо,
И триста граммов хлеба...
На четверых.

И все-таки хорошо:
Тысячи кубометров песка
Отделили нас от ног,
Которые давили людей,
Как муравьев,
А среди нас
Дышали мирно
Старая,
Добрая
Смерть шахтеров.
Так тихо только в лесу заснеженном.
И в могилье.
И лыши вода сочилась
Каплями...

Мы растянулись на досках,
Они совсем не пахли кровью,

Они, как раньше, пахли только
Пловым бором.
Полузабытые слова
Над нами ряли, как птицы,
Присланные из разлуки...
«Первая моя любовь —
Сказали одни старухи
И все остальные
Хранитель первой своей любви.
«О, как ждала она умереть! —
Второй промолвили.
И мы подумали
О бессмертном ондидинге
Всех Сольбейн мира.
«Кишин — любовь!» —
И третьи...
«И я — любовь!» —
Вздохнула старая
И добрецкая смерть шахтеров.

Через двадцать часов
Нас откопала
Любовь товарищ.

Братья по крови

С плач нацизма,
Плетью исеченных,
Красные капли
Стекали в массу бетона,
Сливались с бетоном.
Так породились мы кровью,
Стали героями саги,
Мы — из Риги,
Москвы,
Парижа,
Праги.
И如今 я думаю вашими думами,
Дышу вашим воздухом,
Чувствую: пульс ваш
В моем бьющемся жилах.
Мы — вечного братства людского
гранит.

Дети

На меняглядят
Две пары милых глаз ребячьих.
Как давно не смотрел я на звезды.
Моих заскорузлых пальчиков касаются
Легкие, нежные пальцы ребенка.
Как давно надо мной не падал
С вишней голостеков.
Вокруг весь день не смокает щебет.
Как давно я не слышал воробушки.

Их звали Карелом и Боженой,
И они ждали
Свой очереди
В газовую камеру.

О какой камени
Разбить мне
Свои бескильные руки...

Ценность

Великий ткачиха идет по жизни,
Принимая
Новые цены
Всего лишь для дам.
Только каменный карьеру
Нет до того никакого дела —
Машет гранитными купаками,
Бьет направо,
Бьет налево...

И мы — мы гибнем.

Спаслись эзотерик,
Печинник,
Плотник.

Беглые руки случайности
Повели нас наверх
К снимам дамам,
К теплым ветрам —
Повели воздвигать еще один храм
Смерти!

Остались
В обители серой пыли,
Чтобы выплюнуть останки легких,
Пестолистами,
Эйзентейнами,
Пикasso —
Бесценный хлам.
В этом антикварии.

Прошение

Все понять —
Значит все простить.
М-и де Сталь.

Он все понимал
И все прощал.
Процал он ветру,
Терзаному его ложмой,
Процал он вьюгам,
Что жгли в колодках босые ноги,
Процал камням,
Которые не поддавались лому,
И кулакам,
Что с ног сбивали.

И только нас
Не захотел понять он,

Нас,

Которые не простили

Никому ничего.

Эзесовы швырнули его

Со скамьи прашитостков,

И прощение разбросы

О вечном изуверство камня.

Картофельная шлуха

Я богат, словно Крез, как Рок-
феллер, почти так же богат, как
оберкаль, — у меня есть целая сага-
рета.

Я могу выйти на черный рынок за
блоком, где можно выменять сигаре-

ты на все что угодно: сужочек супа,
кусочек хлеба, грамм маргарина.
Там суют организаторы и те, кто
за единственную сигарету отдают
единственную жизнь.

В тот день убийнулось мне счастье.
Свою сигарету я выменял на мис-
ку прекрасной картофельной шелухи.
Шелуха блок, прижав к груди
свое богатство, вдыхая медленно терп-
коватый аромат.

Королевская пища!
Несколько круничков шелухи я уро-
нил. Их подхватил и съел долгожи-
тельный профессор из будапешта.

Тяга к жизни

В обители смерти мочат о смерти.
И только крик
Парит и кружит над крышей блока,
Бьется о твердые кулаки стен:
Жить!

Тяга к жизни —
Соринки живущие —
Дает нам силу
Сломить бессилие.

Но должен узник обуздить ее.

Трус выронил золотую уздечку,
И тяга к жизни
Торопится его
С глазами напитыми страхом,
Под гору.
И подковы паники
Раздавили
Трех товарищней,
Как стекло,
Три
Звонника
Жизни
За одну
Дранную,
Ничтожную
Душонку труса.

Отблеск

Счастье! Счастье!
Нет абсолютного счастья,
Нет и несчастья абсолютного.
Даже в жечно-зеленую мглу
Подчас врывается отблеск
Испытанной радости.

Открытые раны в мертвящихся волнах,
Тела лежат, как черви, корчаются,
Во тьме непроглядной веет зароды,
А нам разрешали
Лежать во дворе на сырому песочке
И умирать на солнечице.

Но солнечику занятое нас
В золотые простины жизни,
И мы не унываем.
Поэт из Польши
И поэт из Латвии
Смылаш, как снова поют облака
В сини безбрежной.

Каждый острый камушком пишет
Строку за строкой.

А занав скошиваются над двором
И читают на сером песке
Стихи о дружбе и о любви,
О заре над Даугавой и над Вислой.

Абсолютной безнадежности нет!

Миг слабости

— Что ты смотришь так на колечки,
Джулио!

— На них избавление.

— Там свет смерть.

— Смерть — наша добная мать.

— Жизнь — наша добная мать,

Джулио.

Ты видишь:

Цветы на альпийских лугах!

— Я вижу лишь высокенную землю

Маутхаузена.

— Ветер несет нам с воли

Тонкие запахи хвои.

— Мне ветер приносит лишь пепел

Из крематория.

— Слышишь,

Над нашим жаворонок поет,

Соловей.

Гремят водопады.

Ты чувствуешь вкус его!

— Я слышу лишь топот СС

И как строчки автомата.

— Джулио!

Оборпясь на меня,

Я еле в силах стоять.

Мы сидим в вынужденном свете!

— Согдики!

— Нет.

— Может, завтра!

— Нет!

— Когда...

Ночью он бросился

На колечки,

Но так высокого напряжения.

Судите меня, товарищи!

Джулио не удержал.

■

Кому не нужны мы!

Даургава ли стоял,

В чьи зори зимней ночью

Падают

Наши юности звезды!

Иль рижские пилы,

Что ильно плачущий и страшны

Меда аромат?

Иль темы...

Кто в доме опустошенном мерзнет

И ждет нас!

Иль... может, своре черных пиратов

В Саласпилс!

Зной же, черный,

Мы вернемся!

Руки

В грубых тяжелых руках
Автомат
У ворот больничного блока.

Белые руки холенных убийц
Проводят эксперимент над нами,
Записывают и списывают людей.

Вчера еще эти руки
В прыжку *
В вены героя Бреста
бензол.

А у нашего врача,
Клеймленного, как все мы,
Ни лекарств,
Ни бинтов,
Ничего.

У него только добрые руки спасения.
И мы живы.
Даже в оутме безнадежности,
Прозиванном нами мертвацией.
И выжаем,
Ибо есть на земле эти руки.

Самый сильный из нас

Герою Советского Союза,
полковнику Маневичу-Старостину

Титаны вздымают горы.
Способны ли поднять они горы
наши горы!

Титаны вычерпывают моря.
А могут ли вычерпать море наших
страданий?

Титаны швыряют сканы на обитель
богов.
А нас они швырнули могли бы
На приступ черного бастона!

Изможденный, как все мы,
Оборванный, как все мы,
Уинченский, как все мы...
Он это смог,
Он — самый сильный из нас.

А также:
Когда падет черный стаг мотылы,
Когда повергнуты ворота ада,
Когда в Альпах цветут фиалки
И лес пахнет смолой и счастьем,
Мы раем мотылу
Самому сильному среди нас.

Он так долго нес по жизни
Бремя наших бед
И судей,
Что при одном прикосновении
Легкого луча свободы
Рузыни.

Перевод с латышского
Григорий ГОРСКИЙ

К сожалению, не каждому удается побывать в разных уголках советской земли и воочию убедиться в изумительной ее очаровательности. Вот почему в номере, посвященном летниму времени, помимо фотографий, сделанных в различных местах нашей страны, мы предлагаем вниманию читателей статью о том, как выглядела наша страна в журнальной графике «Красота родной земли» — повествующей непременно в начале 1969 года. Публикуя фотографии красавиц наших мест страны, «Смена» стремится показать читателю чувство любви к Родине, чувство преклонения перед ее красотой.

Но нечестно сказать и жаловаться на то, что мы расскажем лишь о малой части прекрасных уголков советской земли. Предлагая фотографии о Кеме этой замечательной, мы просим читателей «Смены» присыпать нам свои заявки на получение пущешествия «Красота Гдовской земли». И тогда, возможно, автографы о наших любимицах и гордых сердцу местах хотели бы увидеть в новых, 1970 году!

Красота родной земли

Виктор АСТАФЬЕВ
Фото Василия МИШИНА

Минуту в деревне Быково, что затерялась в глубине лесного мыса, образованного реками Соловьи и Чурьи, я предлагаю называть Быковкой, пожалуй, слишком смело: в нем все-го десять домов, из них заселено местными жителями восемь. А и было-то в Быковке до сих пор много: шестьсот семь гектаров и старинная земельная устрица Быковку с вони в нее не вернулось шестнадцать мужиков.

Домики все старые в деревенском. Рассыпались они по угорникам возле пеплящих Быковки, светлом, голубоватом речке, в который впадают в небольшие, бескрайние, лесами когда черемуха в цвету. Белым лентон извивается Быковка, и по над речной динто и ночныхнико заливается словом, да таким звонким и тонким, что смолкает конфузливо все остальное первое население и заселение. Всю эту красоту можно слушать рассыпающуюся трели и учиться у соловьев. Дрозды-ребинники уж по колено переняли, а скворцы — по два, на дальние и уны десны не пошли.

Сейчас, вокруг Быковки тиши. В жару курчавые стволы лиственницы, а с берез, синева и осин лист умеле обобрала, и пахнет в лесу леняющим овощем, грибом прелым да горячим дудочником в логах. Нынче в лесу красно от рыбины: урожай на нее — и по просеке идешь, как по праздничной улице, сплошь затянутом в багряные полотнища. Рыбина

Река проенчлаясь

НА КАМЕ-РЕКЕ

Зорким стражем стала на речном берегу старинная башня.

поздняя, она останется в зиму, и брызги, заснеженного леса покидают пыльные, всплескиваться будут

будут

грызь, руда и удивляя глаз.

За четвертой века, прожитые на Урале, облазил я его и обмылся от Приполюса до южных степей оренбургских. Видел и хурамы, и грозовыми, и стариковски-присмирелым. И в горах и в холодах.

Задумчиво смотрел я на горы Урала. Но края земли нет, чум Урал осенний. Напоминает он тогда крепко поработавшего старика, умножительно за-

легшего в мякоти лесов. Каменистые ребра его покоятся меж реч и речушек, а мудрас, седая от аков голова

в куреве туманов и обрывов. Растут ветви, венцы на всем распахнувшемся башни, пасковая доверимость, почон и тышина воркут, только сиплется листвы по по-

дolu, и высокие крики отлетных птиц прощально и печально разносятся над хребтом.

Когда эти строки будут напечатаны, Урал уже покроется снегом, и до конца зимы не увидят солнце. А скитаются где шуточные — на одном из самых больших вершин. Кваркуне, они бы-

вают до десяти метров, и, чтобы представить южным жителям, что это такое, я скажу лишь один пример: если требуется достать сено из за-

рова, в южных местах их складывают на крыше, на обетвленном, сплошном угле, так и берут мешок тоска.

Все ведь это Родника-мат, а мне, да и всем нам не безразлично, какое у нее лицо: в осле, шрамах, бо-

рянках или же то, к которому привыкли с детства, — сплошное, расплющенное, где все на месте и все

оторвано, где все на месте и все

пукаем мы их под воды, в ристмы, в огонь и по ветру. Много мы говорим и пишем об этом, гораздо больше, чем делаем.

На Кваркуне мы поднимались шесть

дней. Здесь, в подоблачной высы, в

соседстве с приполярным тундрой, раскинулись уральские алпинистские

луга. Дивен подоблачный Урал! Дивен и прекрасен мир, в котором глупы и

думают почему-то о других мирах, а главное, верты в них начи-

наются. В таком светлом, в таком чи-

стом и добром небе обязательные

долинки быть никакой душе, ум

очень они одухотворенное, живое,

всё в горах проходит в зеленых

край вершин, горах. Громоздятся

на хребту склы-останы, а к подно-

жью их тянутся полусущие и настуря-

ют леса — лиственницы, бересклеты да пих-та

такие, добрые в атаке, а все же

заслуживающие уважения, и на приполярную землю и там, где сель-

вовремя десятков лет назад была гор-

ная тундра, уже радуют глаз живые

островки и рощи.

По склонам вершине Кваркуне к лесам стекают сонные и яркие поляны. Это и есть алпинистские луга. Они сплющены цвету, только цвет

также предстаёт в виде ярких пятен. Если поплына в сотни гектаров за-

предзимко выражается в них другим цветом. А там, где-нибудь, ровно бы матом живое катится полузмы горо-

шек, лазорев цвет незабудки, белая

клены морковник, кровавый патча

цвет! Глаза разбегаются, сердце

прыгает от радости...

Но утром встало и не встало не-

бя, оно побудило нас, и землю, и

землю выпало на землю сол-

и по белым полымя золотым кра-

лом головину плавы. Все набухло, от-

крылось, сочтись водами, речки гре-

ют, камни смывая и завали, тако-

дезе слушается нередко, и горы

туманят, что по карте угада-

ют, как можно всплыть из западного

гора Уральского хребта, поплыть

из западного гора Уральского хребта, поплыть

занимают его, понимая, что им и жить в этом доме.

Но сколько еще компаний, вывалившись с парохода на берег, начинают вести себя так, будто высадились они на необитаемые острова? Может, здесь делают все что пожелают. Вот и я, тоже Быковин, в которой в сенях гнуку летали белкам и доверчивым лягушам белкам — и всюду мусор, мусор, мусор! Ты же видишь, какими-то странными по-настоящему любят природу и дружески относятся к ней, в свету по-быть на Бассерах. Здесь, в одном из красавицких мест Уральского хребта, в каменистом его отрогах, берут начало реки-сестры: Усьва, Вильва и Конва. Почти в один миг они натыкаются, как-то сразу, на берега рядом, в поток, поворачиваючи, и выбравшись на суши, утешаются одною от другого, и Конва уходит совсем в сторону, впадая в реку Чусовую верстах в шестьдесят выше города Чусового.

Усыва и Вильва то разбегаются, то сходятся, то почти перепутываются, то сближаются одна с другой, оканчиваются на немножко, кануто на версту-две проблемами вместе, объединяются с Чусовой, волно струйним под горы Калаповы, на которых, по преданию, когда-то разбивал шатры татарский хан Калап, а теперь там белают до машни поселки, и картошкой она заменена сплошной зеленью.

Красивы речи-сестры, особенно в первые генеции. Водится в них еще харрисы и тамкены, хотя лесосплавом, взрывчаткой да острогом повелилишибко эту ценную и теперь уже

Ява, Косьва, Вишера — множество рек стекают по потому боку требета, и у всех у них конечный путь — Кама. Топливнувшись в ее широки и мягки бок, буны реки, прорвавши на пути своем склон каямы, дышащие эзотериками и немыслимыми шикарами, обнажились пороги, меж которых — немыслимы и немыслимыми преграды, они успокаиваются, тихо засыпают, обнявшись с матушкой Камушкин, которая и сама, начавшись родником, в далеком деревенском Карпушта, все плачет, разливается ширью и вадью, пока не умрет на новом берегу в селе Борисоглебском — Камское водоразделение. Путешествуя к Коле претражден людьми, и людьми же теперь управляемы Кама, да и Волга тоже.

А по верховым Камы еще пльют эзотерики-плотовщики, и огоньки их горят, проакрывают ночи, еще горят, краем, деревни и поселки, и из-под земли и из-под воды на краю, звездные кидалки, возносятся храмы, белые и рубленые часовенки, еще живут по берегам умелье плотовщики, лошади, рыбаки, охотники и лесоводы — дети этих реки. Сыны уральской земли, ведущие корень от первых русских поселенцев, и впереди букинист от этого места, где я пишу эти заметки, есть вынутая земная поговорка через мыс реки Чусовой — погон Ермака. По этому волоку, спеша в далекую Сибирь, казаки атамана Ермака на лямках переволоки члены своим, чтобы не отграбить далеко-западнее милицы, как и вчера десь зовут, носили. А у конца склона того было до заполнения длиною в верст тридцать...

Урал. Все здесь история, куда ни ступи, куда ни отправься — всюду столкнешься со стариной и красотой

этой древней и суровой земли. Поэтому бережливцы бы надо относиться к историко-отечества своего, не рушить ее, не исправлять наследственное следуя новым модам и нововидам.

Земли, земли вокруг! Страны, пробки, дерзан, возводы новые города и микрорайоны! Нет: сноситься дома, которые бы еще стоять сотни лет, потому что большинство старинных домов в Перми сложено на каменном и кирличном основании, а деревянные — из-за неизменности деревенской земли — разбираются для новых разборок. Богаты по срокам художники с альбомами, спешат срисовать орнаменты деревянных кружев, ухватив остаток древней красоты и сохранив потомкам хотя бы в рисунках.

И набы в одном Перми шло это строительно-разрушительное шествие. Во всем этом, русских городах грызут и гудят техники, иногда без разбора и смысла руша старину — никто не хочет отставать в разгуливавшиеся стихии, и растут однопольные города, возводятся дома-коробки, с алюминиево раскрашенными балкончиками, с хлещущими газончиками, с цветущими старинных садов, аланей и парков.

Но, увы, и с новым — тем, что сотворено человеком на нашем памятни — во многих местах так же обтодает.

День Победы в наших городах были заложены парки. Многие из них, наверное, в будущем утрачиваются, исчезают в лесах и рощах, покрытых мостами отдохна горожан. На запустившем болотном пустыре неподалеку от станции Пермь-вторая была также посажена бересозовая роща. И бересеки, словно бы сознавая, в честь чего и в честь кого посажены они, взявшись все до единого и так быстро

выросли и окрепли, что бересозовая роща сделалась любимым у пермяков, которые с пасковой щуливо-ностью прозвали ее иници Булонским лесом.

Но вот потрясовало прокладывание нового тракта. И пришли опять же бульдозеры, сделали разину, сквозную дыру в «Булонском лесу», перекопали, перервали все тут, уложили трубы и отбили. И сразу как-то пусто, неуютно сделалось в рощице, стала она снова заболочиваться, а бересеки начали хиреть и скухнуть. Лес ведь тоже живет, думает и не терпит, когда же мертвого занять.

Очего такое заэратор! Почему одновременно было надругаться над живым рощей, и не только над ней, но и над светлом памятно погибшим на войне, в честь которых и закладывался этот маленький парк! Почему трублопрокладники, проведя газ, не посадили новые деревья на месте ими погубленных!

Никто не отвечает. И живиных в парке Академгородок в Анадырьгородке под Новосибирском поза сохранен, а строительство там поразмышишь. Говорят, академия Лаврентьев ион раз наденет кирзовые сапоги да и пойдет по стройкам Академгородка и как увидит, что деревья засыпаны, сразу и виновного същет, и если он работает прорабом, в бригаде, то тот бригадир, чтобы чтобы бы научились работать, не краша деревьев. Вот и sonst весь город в сосновых борах, а на автобусных остановках белки семечки подбирают и пидес не опасаются.

«Так же Академгородок! Славили!...» — ответят мне. Ну, а Латвия ужокенна, Эстония с эзотерической стариной, Ленинград, наконец, бе режко и любовно сохраняется...

Не склоняю приветное слово.

В Еланской пещере.

И вновь сияют и
облитые солнце деревенки
секутриаются в тихом году.

Но вернусь опять в Еланку, с ко-
торой хочется сказать стихами Нино-
ной Рубцовой:

Я запомнил, как диво,
тот лесной утюрок...
задремавший счастливо
меж звериных дорог...

Звериные дороги тут немного. За-
бредной иногда в Быковку лоси да
нышши голодной весной пошли
носолями, задрали телу, за что и по-
пали в лес. Бычок, слезнувший своей
волосатой телкой, спасал его из
дрововника старый, обсаживший
от ревматизма фунтик.

Тишинин в округе. Леса недвижны.
Леса жмутся к реке Быковке, да на
мысу реки Чесовом и Смылове отстали
могучими массивами в дальше
сплошь вырубки. Лесозаготовки
здесь начались тридцатью годами
назад, и это было хорошо. На месте
срубленных лесов восстали уже
осинки, длины и берёзы. Малыши —
море, напреки в пору цветения запи-
вают красными волнами пустоши, и
по новым лесам уже снова ворится
птица, а посеки лесозаготовителей
разрушинки упади и утерялись в
лесном молодняке.

Бычок спасает. За речкой Бы-
ковкой, блеснуши Даши, местной
праведницы утешительницы и свет-
чицы, сную горят огонек. На улице
меропит дождь и нет-нет да иклоня-
ется щуплющим в стекло — пребрасывает
белую крупу. Дело иклонится к зиане.
Пусть и эта, еще одна эзма в моем
жизни будет покончено мирно и съ-
нью, и эти радостные дети по белу
дню беззаботны, как вчера. Бычок
и сказывают им сказки о старине,
пусть сюстину будет удача в такго
трудовому люду — в работе, поэ-
ту — в песне, молодым людям — в
любви.

А я потягу лампу и буду ложать,
спущая как шуршит дождь по стене
моих избушки, как дребезжают стекла
от ветра, и гуашь в руках и хол-
стах, и синий снег, и белое сено
тихое тепло русской печи, а перед тем, как вороться к сну, проин-
ду мысленно по бескрайне восни-
ресским ны вырубках лесам, уже без
листа, прозрачным, сквозным, со-
сески, посаженные на месте поселка
лесозаготовителей, и поднявшиеся
уже до моих глаз кипарисы, еще
раз заслонят солнце уходящим
снегом с Енисея, но пасковым в душево-
дом дедушка Урал от поднебесной
вершины Кеаркыш до просторных
степей оренбургских, и подились я
снова необъятности и красоте земли
ридин.

Слева: Елань в Еланской пещере. Фото А. Г. Смирнова

Справа: Вид на Елань. Фото А. Г. Смирнова

Владимир РАЗУМНЫЙ,
доктор философских наук

Вопросы эстетики вышли из сферы узкофилософских споров, и иные эстетические воспитание — поле остройшей битвы умы и сердца людей, за человека.

В условиях современного буржуазного общества действительности цель этого воспитания — утверждение как вечного и неизбывного состояния человека — звериного индивидуализма, «естественной» враждебности общности, борьбы за место под солнцем, в которой торжествует сильный, способный на «усыпку».

Битва эта ведется, надо сказать, самыми современными средствами. Сегодня крайне важно подчеркнуть, что против нас действует умный и хитрый идеологический пропагандист.

Создаются, например, «центры свободного времени», цель которых дать людям ту эстетическую альтернативу воспитанию, которая позволяет им «выбрать себя вспомогательно», имеющими «право на выбор». Высказываются предположения довольно смелые и далеко идущие. Так, президент одного из «культурных центров» в Берлине предложил: «Необходимо коренным образом пересмотреть сам принцип организации просветительского зала. До сих пор «заплекал» зрителя в кино сам фильм. Надо научиться создавать новое, интересное кино, то есть способствовать тому, чтобы зрители то же самое, что и в торговле, когда были созданы колоссальные универсальные магазины. Необходимо объединить все средства развлечения, создать комплекс, способный удовлетворять любые вкусы. Иными словами, надо приучить публику к новому типу эстетического спектакля, в который будут включены различные зрелищные представления в смежных залах, встречи с актерами, краткие курсы по обучению актерскому мастерству, варенье, консервный зал, бабкинка, фишница и тому подобное».

Развивающая индустрия массовых зрителей, капитализм, забоченный отрывом не тем, чтобы дать потребителям эти зрители возможность отойти от развлечений. Если на армарде человека стоит памятник, в честь которого королевский монетчик попал в историю всей большой в тот или иной крупный город земного шара, то налико попытка сделать стереотипом поведения некое «агрессивное начало».

Важнейшей целью подобной «развлекательной педагогики» в Федеративной Республике Германии — систематическое «оживление» и поддержание революционистских настроений. Ее дополнением выступают массовые массовых зрителей. Там по ходу демонстрации любого фильма на экране вспыхивает на несколько секунд надпись: «Помни о зоне! Помни! братиям за стеной посыпки, пись-

В статье использованы материалы книги «Эстетическое воспитание. Сущность. Формы. Методы», выходящей в издательстве «Мысль».

май!» Ежедневно во 19.00 по средневековью времени на экранах телевизоров в ФРГ появляется карта со сводкой погоды. Но карта Германии в границах тридцати тридцати девятого года, биргер пишет: «...и рассматривает данную карту в Констанце, в замке Шенкенберг! А на внутренних кинозалах выставлены демонстрации фотоальбомы с видами Судетов, Саксии и т. п. под общей броской рубрикой: «Картины твоей незабываемой родины!»

Подобные примеры легко умножить. Мы приводим их как частные случаи проявления общей закономерности — классовой, полити-

ческой направленности буржуазной системы воспитания, к разработке которой в капиталистическом мире привлечены щедро финансировемые коллективы учеников, художников, журналистов.

Особое внимание при этом уделяется искусству и борьбе за власть ее представителей. Буржуазные писатели отчаянно понимают значение «эстетической классификации», которая позволяет держать склонную к подражанию молодежь в рамках нужного типа поведения.

Используя самые основные психологические потребности молодых людей, буржуаз-

Сергей МАЛЕНКО

ФАЛЬСИФИКАТОРЫ ГАНГСТЕРЫ И ФИЛАНТРОПЫ

Весной 1968 года в Нью-Йорке произошел скандальный арест 24-летнего французского художника-фальсификатора Давида Штейна. Целый год длилось следствие по его делу, и только в конце апреля этого года он был выпущен под залог и датированному тюремному заключению. При его аресте было обнаружено дневники, записки в которых дают полную картину жизни и деятельности одного из

«утонченных преступников». Вот некоторые выдержки из его дневника, зачитанные на суде.

Сентябрь 1963 г., Париж.

Вчера я получил 1 500 франков за два своих рисунков, исполненных под Жана Конго с его подпись. «Некто подарил мне их», — говорил я всем, — потому что я не могу показать, что это моя работа. Одну из картин ван Донгена, вставив пастель в хорошую раму, и отнес ее в большую магазин в парижском районе Котре. Когда магазинщики рассоровались, я присоединился к картине, и она была продана. Правда, я не получил денег, но ван Донгена, когда последние деньги в «Монпарнасе»... После осмотра горючек вручил мне 3,5 тысячи...

Апрель 1964 г., Милан.

Реномендательное письмо из Лондона стиралось в двери «поддельной мастерской» из самой бумаги. Частью пользовалась Италия. Каждый из которых внесли подлинники Пикассо, Дега, Матисса... Атуро — выдательный профессор рисунков и живописи — тоже присоединился к нам. Каждый из трех рисунков гуашью, которые я привез из Парижа, стоил 150 франков. Это я знал, когда я покинул нашу вечеринку. Затем он пригласил меня в салон, где мы сидели в молчании, пока я не сказал: «Спасибо, пожалуйста, друг! Пабло Пикассо... Саша, наткнувшись на меня, спросил: «Что ты делаешь? Я покинул с годами стал лучшим знатоком картин своего клиента. Он так же внимательно просмотрел

ные идеологи «накачивают» молодежь совершенно определенными впечатлениями, приподнятыми в итоге к изменению всего характера эстетических перевозжий. «Манки», используемые при этом, до удивительного примитивны, популярны и вместе с тем безотказно действенны.

Сила и сила.

Но это и есть те два «кита», на которых базируется воздействие современного буржуазного искусства, рассчитанного на молодых. Примитивы? Вполне! И вместе с тем результативны. Опыт геббельсовской пропаганды еще слишком свеж, чтобы можно было о нем забыть. И тогда всеми средствами искусства идеологи фашистской Германии обращались к «естественному» стремлению молодых немцев — к силе.

Не для праздных воспоминаний говорим мы об этом, но для привлечения внимания к той воинской каннибальской роли, которую играет и сегодня буржуазное искусство. Пусть форма воздействия его будет более «тонкой», не столь эпатирующее античеловеческой и расистской, но суть осталась той же.

Чего стоит, например, куль «сильного члена», вновь утверждаемый всей «массовой буржуазной культурой». Это не случайно, появляющиеся фильмы и романы, теоретически осмысливавшие даже всеобщий буржуазный искусственный расцвет на молодежи. Именно в политике теоретически предопределили появление такого «идола», который был не только героям искусства, но и зрилью мерцанием «прекрасного», «модного», «современного», «подлинно мужского» поведения. Нужно сделать это поведение притягательным — и покидаются лучшие режиссеры и писатели, отличные актеры и актрисы. Их имена окружаются ореолом почитания, восхищения. Подражать им призывают рекламы, название духов, подтяжки, кулинарных костюмов, машин...

Трудно выделить в этом мутном потоке массового «эстетического облаконавигации» модные лодочки какие-либо из ряда воин выходящие образцы. Все подчинено единому стандарту «сильного человека», эстетизации его нравов, его эмоционального мира. А что это за мир, в некотором стечении дает представление серия фильмов о Джеймсе Бонде, агенте 007 с пистолетом на убийство?

Лучшее этого охарактеризовало это нумизматическое произведение — на западной молодежи кинорежиссер Теренс Инг, называвший его кинематографической жизнью. Он заявлял, что Джеймс Бонд — ужа-сайтный тип. Это садист, который хладнокровно уничтожает своих безоружных противников, и мужчины и женщины. Поведение Бонда — это поведение фашистов, образованного гитлеровцами из головорезов СС.

рисунки. Сердце мое замерло. Написано Сагатеусом и сказано: «Натурально! Это он!». А я Тотчас же выплыл мимо солидной суммы.

диагностиков. Все это дополнено собственной лекцией профессора Павла Николаевича Шагала. Учрежденный им одноименный фонд собирает суммы приватно в полмиллиона долларов.

с Бондом. Человек этот — Ницше. Нет сомнения, что Бонд и Ницше стали бы единомышленниками.

— Вот, пожалуй, тот случай, когда откровенность убийств! — лучше определять тафо всею производствами искусства, поиздирзывающими в себе, впрочем, неизвестные условия, вряд ли возможные. Поведение «скользкого человека», вымыщенного в типах кабинетов политиков и их художественных клерксов, — это поведение антического человека, всему строю мыслей и чувств. Подражание этому строю — это путь к тому, чтобы избавиться, побуждаемый тем, кто, не зайдя до конца, поднимает национальный дух к великому единению, который готовится к «большому делу» — новому, когда противостоят коммунизму.

В семью вечера все готово. Клиент приходит, открывается картина и две акварели, санные на прошлой неделе. Получены чеки на 12000 рублей.

Так началось преследование Штейна, напоминающее настоящий американский драматический роман. Начало было в Нью-Йорке. Там он был задержан. Но судильный день Штейн не признается ни в чем, а его клиенты тоже не хотели признаваться, что покупали подделки: профессиональные торговцы они смирились с утратой денег и потерянных клиентов, но не могли более избежать страшнее. Поэтому Штейна вынуждены были до суда отпустить на поруки.

странах. Они не только с тревогой констатируют серьезность положения, создавшегося в настоящее время в области эстетического воспитания молодежи, но и предпринимают действенные контроверзы. Это выражается прежде всего в поддерзке и пропаганде лучших образцов национального художественного наследия, что особенно важно в условиях космополитического «осреднения» искусства — одного из стандартных приемов подготавливающих распространение «массовой художественной культуры».

В Шотландии, например, нам довелось присутствовать на одном из концертов рабочих, будущей самодельной группы, обратившихся к национально-политическому образованию рабочих и национальному репертуару труда, к высоким образам народной шотландской культуры. Ещё же отдадут свои беседы и многие шотландские студенты.

Другая линия борьбы — создание своего подлинного пролетарского искусства. Естественно, что буржуазные идеологии, которых было бы разрешительно отозвать о «свободе», отважно и с обидой отрицают право на пролетарское телевидение, радио, то есть средства массовой информации, для пропаганды этого нового искусства. На студии «Шептеронфильм» Лондонские советские кинематографисты спорят о силе, почему ее владельцы предложили павильоны для съемок антикоммунистических фильмов: «У нас, господа, свобода», — последовал ответ: — «Ничья свобода! Мы хотим свободы!» И вот вспоминается старый вопрос: эта же владельцы хотят «свободу от национализма»! Но это неудивительно вопрос: почему же в таком случае на студии не было снятто ни одного прокоммунистического фильма?!

Поэтому рабочий класс выбирает прежде всего доступные для него формы художественного творчества. Так, в Италии в рабочих кварталах успешно действуют народные театры. Французские художники-демократы идут со своими полотнами в рабочие клубы. Более того, в условиях рабочейolidарности из средств трудающихся создаются отдельные фильмы, которые порой получают международное признание, как это было с «Голым островом» японских кинематографистов.

Ниую концепцию утверждала мы, коммунисты. Все средства идеально-воспитательной работы мы подчищаем обоснованию элементарной и вместе с тем так трудно утверждаемой в различном социальном противостоянии мире истин: «человек не должен быть индивидуалистом, он должен быть гражданином, – по-человечески», – не в ущерб другим не за счет горя и нищеты, страданий и телесных нынешних, «даленых» людей, но в полном гармонии с ними в счастливом коллективистском действии. Такая, казалось бы, элементарная мысль, но, вместе с тем возмозгаемая нормой один за всех, и все за одногого.

11 июня 1939 года гид, ведущий туристов по картинной галерее парижского Лувра, внезапно обнаружил, что на месте, где висела картина Ватто, на стене осталась только белая четырехугольная 29 x 25 см дыра, сделанная изнутри.

Представьте замедленно аттракцион хранителя музея и панически, иронически писала: «Не понидите! Париж без сувенира! Выберите себе в музеях все по собственному вкусу. Пользуйтесь самообслуживанием!»

Дом же, над которым возвышалась конская голова, выглядел, как колесница, устремлявшаяся навстречу солнцу, скакущая в сторону утренней зары.

Воздействие искусства на человека было повседневным, глубоким и непрерывным. Прялки, полотенца, деревенские ковры, панно, покрывала осенних и зимних беспородов, так видоизменявшихся разьюю или роспись, что делалась оригинальным произведением искусства. До сих пор доставляют нам бесконечное эстетическое наслаждение деревенские пряничные доски, подзоры простыни и концы полотенец, вышитые цветными нитями, росписи туесов, соломин, чаш. Путешествуя по полноводным рекам и озерам русского Севера, мы попадаем в мир деревенских эпических картин, пленяющих, которые так естественно вошли в окружающую обстановку, что без них стал немыслим русский пейзаж.

Каждый год езжу я в город своей юности — Сузdal', люблю весь Владимиро-Сузdalский край. Кипящий знаток древнего искусства академик Н. П. Кондаков писал в начале нынешнего века, что места эти он может счесть только с Лондонским: каменные стены городов, долин, деревень, рек, озёр, гор, лесов, холмов, и не имела своей художественной жизни. Ни где в России, по словам Кондакова, искусство не внедрилось так глубоко в народную жизнь, как именно здесь. Я хорошо знаю владимирских и суздальских мастеров. Они и теперь умеют резать камень, как репу. Здесь есть горчицы, под руками которых глиняная пластика начинает сверкать величественными красками и драматичными изгибами. Есть и настоящий мастерски выполненный золотой овал в юности колокола, который по всем Руслантишам. Суздальские иконы, писавшиеся четырьмя цветами: красным, желтым, зеленым и флюоритом, — известны во всем мире. Драгоценное искусство богоизволено не исчезло. До сих пор Сузdal' поставляет стране лучших реставраторов икон, владеющих стилем, который именуется «под старину».

В Суздале дышит историческая находка камень. В городе и его окрестностях нет такого пригорка, ухола или лопбенки, что не имел бы своего исторического, легендарного или предания. Тема предновогодних витанок над этой землей, тревожат наше воображение и заставляют понимать настоящее через волшебный кристалл прошлого.

Изумительная панорама Суздала со стороны владимирской дороги: чудесный город с берегами Болвы, обрамленный сплошными сплошными, плоскими, торговых рядами, длинными улицами маленьких деревенских домов. В Рождественском соборе можно увидеть единственное в своем роде творение суздальских «кузнецов железа», создавших в тринацатом веке «Златы враты» — огромные по своим размерам, состоящие из досок оббиты медными пластинами, которые раскреплены вертикальными и горизонтальными винтами на легких арангутовых деревяшки — зажименных композиции с портретами. Клемка обрамляет пышный орнамент. На темно-коричневой меди, покрытой лаком, горят наведенные зо-

лотом «через огнь» рисунки. Дверные колыца держат пасты ливных масок, придавая всему оформлению складочный королик. Гравюры на металле составляют единую золотую книгу, энциклопедию суздальской художественной культуры, достигшей еще в Домонгольскую пору огромной высоты.

Представляя пороги музея Суздаля, вы долго будете любоваться меранескими изделиями местных мастеров. Особенно удивляют гончары-художники изразцовые плитки, которые часто изображали сказочные или нравоучительные сцены, напоминая миниатюры древних рукописных сборников. Иногда изразцы последовательно повествовали о каком-нибудь сюжете, раскрывая его в движении. Про печи, украшенные такими изразцами, говорят, что они излучают греющие и светящие соки. Богатое собрание деревянных писаниц в резных изделиях также составляет гордость музея. Но особенно обширным раздел женского рукоделия. С помощью золотых и серебряных нитей, бисера или речного жемчуга женщины создавали изделия сказочной красоты, поражающие до сих пор наше воображение. Они вышивали изящные узоры, замыкаясь на окружающую природу ее формы и краски.

Существует великие слова «преемственность» и «традиция». Столетиями выработанные народом способы творчества передаются из поколения в поколение. Художественное творчество находилось у него в тесном ладу с потребностями и велениями быта. Можно ли народный эстетический опыт, накопленный при создании декоративных изделий, выбросить из современности! Хорошие дети, сказал однажды Леонид Леснов, докладывают в родительскую суму, а не разбросывают на ветер добтыой трудом предков. Скорее связи прошлого с настоящим и традиции с современностью, чтобы не нужно было копировать предшественников, а, перенеся содеянное отцами, идти вперед.

Из глубин веков пронес народ к вершинам современности живые традиции изобразительного и прикладного искусства, высокий уровень художественной культуры. Народ, как известно, первый по времени художник, поэт и философ. Добавим еще: народ — мастер, чье сердце из золота и руки из золота. Когда мы думаем о золоте, мы подразумеваем не только золотую страну, поразительно богатую страну, жители которой прилагают много выдумки, таланта, энергии, знаний для создания прекрасного в жизни, для того, чтобы окружить человека красотой. Мы иногда ошибочно считаем, что люди, подобные лековскому Левшу, жили лишь в глубоком старины. Нет, не первые были великие мастера. Они продолжают традиции, которые зародились в русские учельцы.

Рассматривая изделия старинных мастеров и мастериц, я часто вспоминаю слова большого этнографа и археолога В. В. Стасова: «На стоящем, целиком, здании в самом деле искусство существует лишь там, где потребность в изящных формах, в постоянной художественной внешности простирается уже на сотни тысяч вещей, ежедневно окружающих нашу жизнь».

Дети и подростки со своим минималистичным и эстетическим опытом, со своей жаждой прекрасного (которое ассоциируется у них пока с необычным и удивительным, увлекающим и действенным), со своим стихийным социальным притяжением (по которому в каждой ситуации должны быть «иконы» и «языки»), со своим требованием справедливости (которую выражается посредством конфликта с обязательством посвящением «иконам» — Благодарная и опасная аулетика).

Благодарная она потому, что может смотреть почти все подряд и по-

Юный зритель меньше всего разбирается в авторских позициях, в сложностях художественного замысла, в многозначности художественного образа. Действенная фабула, поступки

— все это становится предметом, разыгающим огонь молодой фантазии,— и пути этой фантазии почти неизвестны.

Фатальная неистребимость Фантомаса и его жуткая лягушачья фи-

экономики сделали свое черное дело. Как-то школе ограбили буфет: стащили все пирожки с повидлом и оставил записку с устрашающей надписью: «Гапоновы». В телефонных будках и на стенах домов церквей годами торчали зачерченные буквы, означающие имя владельца таинственной физиономии-маски... А после «Шайки бритоголовых» мальчики одного класса звались обрятые наголо и обзывали, что они теперь тоже «шайки»...

Вы спросите: «А что же спасительное «Дети до 16 лет не допускаются»? Не допускать их — и восстановится порядок!

Мне трудно объяснить не то что читателю, но даже самой себе, как это получается, но реальный факт состоит в том, что «дети до 16» обязательно смотрят именно то, куда они «не допускаются».

В прошлогодней анкете киножурнала «Советский экран» редакция про-
сila отметить по списку репертуара
все фильмы, которые видел участник
Конкурса-68. Выбираю из этого спис-
ка названия, которые были отмечены
не менее чем 70 процентами признава-
ших участие в подведении итогов
киногода.

Современная наука делает удивительные открытия в письменности, в поэзии, спектакле, но не может сказать о художественной деятельности людей, живших многие тысячетия назад, людей, обладавших разумом, воображением и стремлением к творчеству. Из тех далеких признаков как склонность к жизни, музыке, танцу и слову, Слово, которое было рожено из языка, а язык — из языка, — можно выделить одно, самое главное — это художественное обличие. Слово, которое есть удивительное искусство уже само по себе, даже если оно не связано с задачей создания художественного образа.

Но кинематограф никогда раньше не был. Не то чтобы тысячу лет назад, стоя над землей, и тогда не было. Использование волшебных газовых ламп — это искусство-занятие, искусство-мастерство! Однако умдрамы тысячецветиям опытом муз уже давно перестали относиться к нему спокойствительно. Еще не очень твердо стоя на ногах, кинематограф побежал переноситься с концептуальной на конкретную реальность. Едва успев породиться из автономной архарической поэзии, занимательной своей небезобидностью, кинематограф уже встает в ряды древних могучих искусств и даже обогащает их — по том магической силы, с которой притягивает к себе массового читателя и потребителя. Образует на удобном месте вспышки пленки и сменяется на сложенных усыпанных звездами жизнями человека разумного в созданном им самим мире современной науки и техники.

И что примечательно, основная масса поклонников молодого искусства— среди молодежи.

По данным социологических исследований, и у нас и за рубежом 60—70 процентов киноаудитории составляет молодой зритель от 16 до 25 лет. А если присоединить к подростков 12—13 лет, страстиных и верных почитателей экрана, то доля вырастет до 80 процентов.

РАНЬ ДРУГИЙ ИЛИ ВРАГ!

Фильмы	Взрослые зрители видели:	Дети до 16 лет
Анна Каренина	82% из аудитории	81% из аудитории конкурента и 16 лет видели:
Балльное царство Доминик да помедленника	85% 70%	61% 70%
Еще раз про тупы в «Сэттире»	85% 77%	61% 74%
Путешествие Майера «Вихрь»	77% 83%	75% 86%
Три тополи на Балтике	82% 90%	74% 87%
Щит и меч Английские и	77%	54%
Верная рука — друг индейца	70%	87%
Импульс и империя	81%	40%
Обнаженная маха Очевидность	76%	49%
Секреты Янтарный»	78%	72% 93%
Каменщик против Скотлауд-ярда	71%	76%

Из сопоставления очевидно, что до достаточно настойчиво смотрящего именно те фильмы, которые подались ими успехом у взрослых зрителей. И если двадцати произведениям с запрещенными названиями (типа «Ева ради любви», «Мужчина и женщина») несколько теряют в степени детского посещаемости, то,думаю, потому, что здесь была просто применена родительская власть — не пускай в фильм нависорвались. А наиболее дальновидные юные киноглядки, склоновавшиеся в завтраках и автобусах, все же пошли смотреть. И неизлох посмотрели почти половина всех подростков, и не

тересующихся названной проблематикой, ознакомлены и с «запретными» картинами.

Примером этого я хочу сказать о картине «Дети до 16 не допускаются» стала в известной степени «Финикс» — это сама собой! Я хочу сказать, что для того чтобы учащиеся могли интересоваться и прослушать картину. Танцует еще и потому, что шестнадцатилетние люди не только не хотят, чтобы их считали детьми, они еще не могут быть только детьми: современная жизнь ускоряет процесс взросления. И с этим уже стоят считаться в самых разных сферах нашего общества.

Но только в кино?

Здесь же продолжает говорить директор кинотеатра: «Дети до 16 лет не допускаются».

Может быть, есть смысл заменить ее на «дети до 14»?

«Дети» после 16

Ну, хорошо, в конце концов ими Фантомаса поблекнет и смоется временно, шевелюры обрившихся быстро отрастут. А что будет с ребячими головами и душами, насмакою падающими на них? Их же надо вновь возвращать кинокартины?

Наверное будет с головами их аурами, пока дети наши — крепкие, умные, разные, с годами наше дети, чтобы не с пеленок привыкали к телезрению, с шести лет осваивающие алгебру, рассуждающие о перспективах заселения космоса, любо-дорого привыкнувшие и высокомерно почти незамечанные в области кинопродажи?

Художественный слог, литература, поэзия и рисование учат с первых классов начальной школы. Кинематографу не учит никто.

...Окончив среднюю неполную школу и перейдя через рубеж шестнадцати лет, человек или уходит в техникум, или в институт, или в среднее образование.

Вроде бы можно «идти до 16 от бровей», и вряд ли девушка в 17 лет станет дрожащей рукой выводить на заборе имя Фантомаса, но в кино она будет гедигом по-прежнему раз, а то и два в неделю. (По давним тоже же «Советским экранам», среди молодежи от 16 до 20 лет 35 процентов смотрят от 30 до 50 фильмов в год, 30 процентов от 50 до 70 фильмов в год, в почтах 30 процентов — от 70 и более 100.)

Что же изменилось для восемнадцатилетнего молодого человека в его восприятии кинематографа? Практически изменилось очень мало.

Справные группы фильмов, называемые «лучшими» фильмами года, на Конкурсе-68 «Советского экрана».

Дети до 18 лет	После 16 лет (учащиеся школы, техникума)	Студенты
----------------	---	----------

1-е место Щит и меч Щит и меч Щит и меч

2-е место Донжон до понедельника... Ірина Каренина Шестое июля

3-е место Еще раз про любовь Бабье царство Твой современник

4-е место Ирина Каренина Еще раз про любовь Анна Каренина Золотой теленок

5-е место Майор «Вихры» Донжон до понедельника... Наталия Кашинская

6-е место

7-е место

8-е место

9-е место

10-е место

11-е место

12-е место

13-е место

14-е место

15-е место

16-е место

17-е место

18-е место

19-е место

20-е место

21-е место

22-е место

23-е место

24-е место

25-е место

26-е место

27-е место

28-е место

29-е место

30-е место

31-е место

32-е место

33-е место

34-е место

35-е место

36-е место

37-е место

38-е место

39-е место

40-е место

41-е место

42-е место

43-е место

44-е место

45-е место

46-е место

47-е место

48-е место

49-е место

50-е место

51-е место

52-е место

53-е место

54-е место

55-е место

56-е место

57-е место

58-е место

59-е место

60-е место

61-е место

62-е место

63-е место

64-е место

65-е место

66-е место

67-е место

68-е место

69-е место

70-е место

71-е место

72-е место

73-е место

74-е место

75-е место

76-е место

77-е место

78-е место

79-е место

80-е место

81-е место

82-е место

83-е место

84-е место

85-е место

86-е место

87-е место

88-е место

89-е место

90-е место

91-е место

92-е место

93-е место

94-е место

95-е место

96-е место

97-е место

98-е место

99-е место

100-е место

101-е место

102-е место

103-е место

104-е место

105-е место

106-е место

107-е место

108-е место

109-е место

110-е место

111-е место

112-е место

113-е место

114-е место

115-е место

116-е место

117-е место

118-е место

119-е место

120-е место

121-е место

122-е место

123-е место

124-е место

125-е место

126-е место

127-е место

128-е место

129-е место

130-е место

131-е место

132-е место

133-е место

134-е место

135-е место

136-е место

137-е место

138-е место

139-е место

140-е место

141-е место

142-е место

143-е место

144-е место

145-е место

146-е место

147-е место

148-е место

149-е место

150-е место

151-е место

152-е место

153-е место

154-е место

155-е место

156-е место

157-е место

158-е место

159-е место

160-е место

161-е место

162-е место

163-е место

164-е место

165-е место

166-е место

167-е место

168-е место

169-е место

170-е место

171-е место

172-е место

173-е место

174-е место

175-е место

176-е место

177-е место

178-е место

179-е место

180-е место

181-е место

182-е место

183-е место

184-е место

185-е место

186-е место

187-е место

188-е место

189-е место

190-е место

191-е место

192-е место

193-е место

194-е место

195-е место

196-е место

197-е место

198-е место

199-е место

200-е место

201-е место

202-е место

203-е место

204-е место

205-е место

206-е место

207-е место

208-е место

209-е место

210-е место

211-е место

212-е место

213-е место

214-е место

215-е место

216-е место

217-е место

218-е место

219-е место

220-е место

221-е место

222-е место

223-е место

224-е место

225-е место

226-е место

227-е место

228-е место

229-е место

230-е место

231-е место

232-е место

233-е место

234-е место

235-е место

236-е место

237-е место

238-е место

239-е место

240-е место

241-е место

242-е место

243-е место

244-е место

245-е место

246-е место

247-е место

248-е место

249-е место

250-е место

251-е место

252-е место

253-е место

254-е место

255-е место

256-е место

257-е место

258-е место

259-е место

260-е место

261-е место

262-е место

263-е место

264-е место

265-е место

266-е место

267-е место

268-е место

269-е место

270-е место

271-е место

272-е место

273-е место

274-е место

275-е место

<p

ГОЛОВА ГОМЕРА

Слова Александра Сергеевича Кочеткова (1900—1953) — это слова одного его стихотворения, «Баллада о прокуренном вагоне», с концовкой, звучащей, как заклинание:

С любимыми не расставайтесь,
С любимыми не расставайтесь,
С любимыми не расставайтесь,
Всей кровью прорастайте в них,—
И каждый раз на веки прощайтесь!
И каждый раз на веки прощайтесь!
И каждый раз на веки прощайтесь!
Когда уходите на мн.

«Галерея шедевров» — рубрика, horizonь известная постоянными читателями «Смены». Печатая репродукции выдающихся произведений мирового изобразительного искусства, мы одновременно комментируем их, рассказывая о судьбах художников. Публикуя в номере, посаженном эстетике, фрагмент «Автопортрета Рембрандта, мы предлагаю вашему вниманию необычный — поэтический — комментарий.

Читатель, несомненно, знает многочисленные стихотворные переводы Александра Кочеткова. Но до сих пор, увы, ему неизвестна подавляющая часть наследия поэта: лирика, поэмы и стихотворные пьесы, или драматические произведения, написанные одновременно («Несколько одноактных Торнисий») и несколько одноизданные. С одной из таких одноизданных драматических поэм — «Голова Гомера» — мы знакомим сегодня читателей «Смены». Это произведение было написано в 1948 году из воспоминаний о художнике Рембрандте. В немногих строках воссоздан творец бессмертных полотен, 300-летие со дня смерти которого отмечается во всем мире. Уходящий год, как известно, объявлен «годом Рембрандта». Русский поэт вводит читателя в мастерскую художника и в мир его образов.

Лев ОЗЕРОВ

Александр КОЧЕТКОВ

Драматическая поэма

Полутемная комната, наискось рассеченная светом из распахнутого окна. Остальное окно закрыто стеклом. Снуют по зуму вальяжного утра. Воробы чиркают на перекошние. Рембрандт, весь в черном, с плащом на голове, сидит за столом. На столе — антик: голова Гомера. Бродячий аккордеонист играет уличную песенку. Рембрандт подходит к окну, слушает, наслаждается. Музыка замолкает.

Рембрандт

Что ж, и на том спасибо!
(Снова принимается за работу.
В комнату без стука влезает Лей.)

Лей и

Мастер! К вам
Пришел торговец красками!..

Фрагмент картины Рембрандта «Автопортрет с Саскией на коленях».

Рембрандт (мягко и безразлично).

Закрой Глаза!.. Сейчас ж...
(Лейя закрывает глаза руками.)

Кто тебе позволил Так вспыхнуть? Ведь ты не коробей,

А маленькая женщина...
(Нагибаюсь плащ на мольберт.)

Ну вот! Теперь гляди, будь гостьей!

Лейя
К вам пришел Торговец красками...

Рембрандт
Ах, Лейя, Лейя!
При чем тут краски?
(Берег ее за руку и ведет в полусы- света.)

Раздел бы я... Ну да! Чтоб искупать в спасении. Что я растягиваю твои вск От поцелуев воздухом... Ему Небось не скажешь: «Прочь, старик!» *

Лейя (тихо).
Не надо!..

Рембрандт
А если б я посватался?

Лейя
На вас Отчен спустил бы Цезаря...

Рембрандт (очень мягко).
Но это Не потому, что Рембрандт стар! Будь и Гномий скелет, притянувшийся к земле

От золота, защищего в подкладке Истлевшего камзола, твой отец — Почтенный мой хозяин, содержатель Притона жуликов — за его флирты Мима пропадаю всю молодость твою С душой и телом...

(Лейя закрывает лицо руками.) Девочка, прости,

Не плач!..

Лейя (сквозь слезы).
Я не люблю вас...

Рембрандт
И не надо! Ты лучшего достойна...
Ну, давай Поговорим серьезно!. Ты наденешь То платье — длинное... то, что ты сшила Ко мне опресноков...

Лейя
Из золотой Тифт?

Рембрандт
Вот-вот! И хорошо бы разу Вдеть в волосы... Да как ее найти Здесь, в нашей сточной яме, над промозглым «Каналом Роз»?

Лейя
Сегодня у меня две распутницись...

Рембрандт
Где?
Лейя
В моем саду, на подоконнике.

Рембрандт
Что?

Лейя
Какие?

Вам

Понравятся: спирожки — будто снег,

А в чашечках — огонь.

Рембрандт

Сорви одну,

Одень-ка, как на праздник, и приди

Сюда. Я напишу тебе. Ты будешь

Цвести — пока не опадут с холста

Все розы красок...

(Про себя.)

Не одно столетье

Ты будешь жить, когда я отниму

Тебя у жизни!..

(Лейя отрицательно качает головой.)

Лейя! Снова — нет?

Лейя (тихо).

Я не люблю вас...

(Рембрандт отворачивается к окну.

Молчание.)

Лейя

Что же мне сказать?

Торговцу красками?

(Молчание.)

Рембрандт

А? Да, торговец...

Ну пусть войдет. Без красок

все равно

Не обойтись... Зови торговца!

(Лейя уходит.)

Рембрандт (с усмешкой).

Томий

И Лейя...

(Снова отворачивается к окну. В комнату неуверенно входит Якоб Стеен.)

Якоб (на пороге).

С добрым утром!

Рембрандт

Заходите,

Купец Смелей!

Якоб

Простите, мастер Рембрандт!

У вас темно...

Рембрандт (ведет его за руку

и усадывает к столу.)

Привините, старик!

Садитесь. Ну?

Якоб (лицо в тени, тихо).

Я посетил ваш дом

На Иоуден-Бреестрате...

Рембрандт (удивленно).

Зачем?

Якоб

И там

Мне рассказали все.

Рембрандт

Не понимаю,

Ясней, старик!

Якоб

Я не был тридцать лет

В Голландии...

Рембрандт

Ба! Вот что... А когда-то

Меня называли?

Якоб

И вчера услышал,

Что Саксия скончалась...
(Опускает голову.)

Рембрандт (спокойно).

И она,

И Хендрикье, и сыны... Немало я

Порядком достойных амстердамцев

Своим крушением!.. Да уж, конечно,

Разволнила кумушки о том,

Как Рембрандт привели из его

Норы на Бреестрат, так с молотка

Спустили все, что он любил, и как

Он сам, безумец, чернокнижник,

мот,

Пришел взглянуть на собственную

казнь

И вторая молоток гробовника

Всестыдно хохотом...
(Смеется.)

Двенадцать лет

Прошло с тех пор, и а сегодня ломят

Бока от смеха!..

Якоб (с содроганием).

Рембрандт!..

Рембрандт (вспугивается в якорь).

Что же вы,

Старик? Я вас не помню. Вы пришли

Оплакивать минувшее, как тот,

О ком забыло время... Назовите

Хоть ваше имя!..

Якоб (отворачивается).

У таких, как я,

Нет имени. Пришел и показать

Вам краски...
(Рембрандт пожимает плечами).

Будь по-вашему. Давайте!

(Расстегивает на столе краски.)

А! Итальянские? Сиена?

Якоб

И якорь. Гвидо Гамба. Все тоня

Горячей охры. Киноварь. Само

Живое солнце в баночках...
(Крест)

Рембрандт

Бери.

И эти. Все возьмут!

Якоб

Здесь в каждой банке —

Расплавленное золото...
(Рембрандт (запах красками).

Что? Да... (Очищаясь.)

Гм... Золото... (Растерянно.)

Цена?

Якоб

Какая же ему

Рембрандт

Понимаю. Если б

Я был богат, ушли бы отсюда

С отлежившимся ящиком. Но я,

К несчастью, тоже нищий.

Недавно взял

И нечего продать...
(Обвел глазами комнату, задерживая взглядом на голове Гомера.)

Ба! Неужели?..

(Подумал.)

Да, именно сейчас!

(Встает, берет в руки антик.)

Прощай и ты.

Мой пескокамень. Сорок долгих лет

Ты был мне верным другом —

и вчера

Все доказало, что мог...
(Якоб, прогибаясь ему Гомера.)

Вот голова

Слепого старика, редчайший антик.

Возьмите же! (Передает Гомера.)

Вещица эта весит

Не меньше ваших башеночек — и стоит

Всех стотысяч золота!

Якоб (взгляд в руки антик, вдруг

ескакивает).

Гомер!..

Мне... взять его? (Беззвучко плачет.)

Рембрандт (топун ногой).

Довольно! Отвечай:

Кто ты такой?

Якоб

Ах, Рембрандт! Да ведь я —

Твой Якоб... Якоб Стейн...

Рембрандт

Сияль силы!

(Бросается к Якобу.)

Да, это ты! (Обнимает его.)

Мой Рембрандт!..

Рембрандт

Как тебя

Спалила старость... Якоб... Но ведь

мы

Не так уж стары... Друг! В каком

аду

Ты побывал?

Якоб

Не спрашивай. Я весь

Сплошная рака...

Рембрандт

Помню, со своей

Веселой Корукен ты от нас уехал

В Милан — и не вернулся... Как еще

Все живо! Ученые годы

Учителя Ластама... А голова

Гомера — твой подарок!.. Ты

подумай:

Все потерял, я эту вещь берег —

В честь нашей дружбы... И когда

решился

Рассстаться с ней, вернул ее тебе!

Как шутят жизни!..

Якоб

Без жалости!

Рембрандт

Мой бедный!..

Но расскажи мне все-таки...

Якоб

Зачем?

Меня ты видишь.

(Молчание.)

Рембрандт

А ведь я считал,

Что Якоб тоже умер!

Якоб (с глубоким укором).

И забыл

Меня — как всех других?

Рембрандт (холодно).

Я серднем трезв.

И не затом я получил глаза,

Чтоб их выплакивать. Всю выпу

Я выстрадала задолго до того,

Как сам попал в застенок.

Я трукаусь,

Не ожидаю платья. Я целию —

Над вырытой могилой. Не тебе

Судить меня!..

Якоб (тихо).

Я не сужу.

Рембрандт (жлаче).

Ты помнишь
Моя картины?

Якоб

Помни...

Рембрандт

Жаль, что здесь
Нет даже новых. Схинникам старые
Все отдаю — чтоб жить. Но ты
поймешь

И так.

Пустые стены. Никого
И ничего. Забытый человек
Перед холстом. Он — смотрит.

Расклоняется

Стопроцентная мгла, мерцают россыпи
Отголосков элегии... Так тревожно,
Так забко, так прекрасно!

Различать

Неразличимое — и золотые
Снопы золотней лампады

подстеречь

Все притихшиеся из порога
Меж скрипкой и скриптом...

Синева

Набухших вен, лучистая проклятка
В цветке, катастрофическое небо
Легенд, искрят ложементы, остирия
Цветных камней, разрызаны раки,

свежий плод

И вся душа, все это — жизни.

Она

Тем и сладка, что смерти...
Краски ждут,
Натянут холст, руки умеют.

Надо

Писать — и я пишу.

Якоб

Мой бедный Рембрандт!

Рембрандт

Нет, Якоб, не жалея меня. Поверь:
Пиши и лучше многих. Но не то,
Что нужно адептам. Здесь у нас
в ходу

Дневной белоснежный свет,
самовлюбленность
Заполненный пространство.

Перелив

Жемчужных пятец в комнатах.
Картины

Здесь вешают, как веркало.

Картины
Здесь лежат, как дены.
А у меня в глазах

И в сердце — правда.

Якоб (вдвоем с сыном).

Страшная...

Мой путь
Уж позади. Мне было сумасшеско,

Всё погубил, оставил никонец
Наедине с собой, лицом к лицу
С пустым холстом, в котором,

как в окне

Бездонной ночи, облично светясь,
Кругами напыщая друг на друга,
Бегут видения жизни.

(Про себя.) Лиши руки

Еще нужны глаза, чтоб удержать
Любимое когда-то.

Чтоб у мрака

Первой отгнити забрезжиншую тень...
(Молчание.)

Да, ты увидишь.

Однажды тебе

Я покажу этот холст. На нем

Написаны мы оба. Твой Гомер
Недавно расскажал мне.

Впрочем, вот...

Смотрят...
(Выдвигает мольберт, сидящий
с него плащ. Якоб сидит, недвижимо
вспыхнувшись в пространстве.)

Ну, что?

Якоб

Мой Рембрандт! Ты не вижу

Я... полуслеп...

(Рембрандт медленно опускается на
стул.)

Я... выплакал глаза.

(Молчание. Рембрандт всхлипывает.)

Рембрандт (властно).

Нет, ты увидишь...

(Подходит к Якобу, становится за
его спиной.)

Веки вина!

(Закрывает ему ладонью глаза.)

Глаза

Всей силой мозга!

(Обнимает его за плечи.)

Пусто. Колесо

Кроваво-черных туч. Алмазный

Раскалывает небо. Постредне —

Старик в высоком кресле.

Белый сам —

И в белом рубице. Его лицо

Все выпито страданием, а глаза

Раскрыты, но не видят.

Да, он спен,

И иши, и одинок.

Смотри еще —

Всем испупленем воли!

Разве ты

Не оспариваешь музыки, не пишешь

Весеннего дождя? Из мглы корней

Встают спиралью света. Облака

Цветущих яблонь подпирают свод

Над нашими могильами?

Старик —

Весь — наследство — внутри. Ему уже

Не надо видеть...

(Молчание. Якоб всхлипывает, пошаты-
вается.)

Якоб! Что с тобой!

Якоб

Прощай, друг юности...

Рембрандт

Как? Разве ты

Пришел не навсегда?

Якоб

Прости... Твой ад

Мне не под силу...

(Молча обнимаются.)

Продолжай считать,

Что Якоб тоже умер.

(Погружающиеся в темноту.) Рембрандт ведет

его к двери. Вернувшись, берет Го-

мера и передает его Якобу.)

Рембрандт

Забирай

Свое добро.. Ни слов.. Это плата

Тебе за красоты...

(Якоб рыдает.)

Полно, Якоб! Стой!

Ведь все равно Гомеру не уйти

От грязных рук старьевщика.

Так лучше

Продай его хату!

(Смеется.) Якоб уходит, сопня-
ясь. Тогда, тоже вдруг склоня-
ясь, Рембрандт с грудью поднимает
ея плащ и медленно накрывает им

мольберт.

Пусть мертвены

Починок в мире!

(В глубокой задумчивости подхо-
дит к окну. В комнату неслышно

прокрадывается Лейль в платье из

золотой тафты, с розой в волосах.

Роза — одна держит в руке.

Лейль некоторое время медленно

стоит в темноте, потом медленно

подготовленной комнатах линиями

стремен, стягивающими линии

Выступают члены ленинградского танцевального коллектива «Нева-67».

ры, как танцы, вообще, спортивный характер этих соревнований стали приобретать с 14 апреля 1924 года, когда под таким наименованием — «танец-рекорд» — учителя танцев в Англии были признаны полуспортивные правила исполнения пяти популярных в то время танцев: вальса, танго, блюза, вальса английского называвшегося быстрового фокстрота, медленного фокстрота, медленного вальса, танго и блюза. За основными фигурами танца, включая и танец-рекорд, к каждой из них были даны точечные описания.

му не вошел, они пытались игнорировать сочинения этого автора, не хотели видеть танец, представляющий собой значительное явление в бытовом хореографии, но не могли отрицать его существование, не могли отрицать историю, которой он был занят. Итак, кто же автор? Евгений XVI — великий «драматический герой», имеющий уши все основные черты характера, и это несмотря на церковные анафемы, распространенные во всей Европе. В 1787 году Евгений XVI выступил в забытой театральной опере Винченzo Клаудио Мартини, а нескончаемые годами спасавшей Европу от смерти отравы — «Указ о запрещении пляски, или мененгии, или валенсии». Самодура-император, который не любил пляску, не любил Европу, Ульмана, не только вальс, в зоне

общие все танцы с вращениями были запрещены с 1400 до 1911 год. Программа «Балет и хореография» «Всесоюзной конференции». В конкурсной программе он занимает особое место — это самодержащийся элемент с самой сваренной, заключенной хореографической структурой. В отличие от медленных танцев, в которых (включая синий) вальса сопутствуют разнообразнейшим элементам, венский вальс имеет свою специфическую форму и право на существование в танце. Но, промытый в нючестве элементов, венский вальс теряет свою привлекательность, и на спортивной сложности. Флешер в «западном» танце считают самыми сложными элементами не только в вальсе, но и вообще во

всей программе из 10 танцев.

Скорость вращения танцевальной пары во время исполнения флеклерса достигает 80—100 оборотов в минуту, так что сохранение правильной осанки и даже просто равновесия представляет собой сложную спортивную задачу, требующую систематической и хорошей программируемой тренировки.

ПРОШУ ПОКАЗАТЬ ВНЕШКИ...

Я припадаю к тем скептикам, которые недумают о поэтической ценности наших судей. Суды современники, по склону наименьшему оценивают артистичность участников по той же шестнадцатилетней школе, что и поэтину. В самом деле, если оценка не может быть более десятны, следует снизить оценку за недизнатурное приземление после сексуального порыва, или сечь неестественные ушибы. Можно, конечно, говорить лишь о том, что одни судьи придавали, а другие нет.

каналу, основана в тех видах спорта, результаты которых не могут быть проверены, весы и рулевые а суды. Истать, эти проблемы не только там называемых эстетических видов спорта, но и в танцевальных. Судьи не имеют возможности оказаться введенными в информационной штанге — жюриывает не «изнанкой» судьи, никто не может это установить. В танцевальных турнирах, где судьи должны оценивать, какая из субъективных мнений судей соответствует общему объективному решению, неизбежны ошибки, связанные с промежуточными цифрами, минимум арифметики, максимум логики. Судьи сравнивают пары, чтобы, конечно, повысить точность сравнения. От судьи требуется умение сравнивать сотни баллов, он должен уметь определять, какая пара танцевала лучше, какая парочка более морально, занятее парой, выделяя мнение большинства судей.

Система, которая имеет место, это система канонов, применяемая в танцевально-спортивных турнирах, весьма прогрессивна и в дальнейшем может быть применена и в других видах спорта, где требуется сравнительная оценка, не абсолютная оценка мастерства.

СПОРТИВЕН ЛИ ЧА-ЧА-ЧА?

Нынешним летом мне довелось быть на финальном турнире Канасе. Заполненный до отказа дворец спорта превратился в новых обладателей почетного звания чемпиона мира. В финале Биргите Бус, после прошлогодних победителей турнира, лучших танцов-спортсменов ССР Юрия и Татьяны Никитиной и Хельга Грайц из австрийского города Граца. Они оказались лучшими исполнителями «янтарного» танца. А « янтарная пара» — присуждаемого за лучшую выступление в всех программах соревнований. Особое место в программе турнира занимали «янтарные» Альбестин, собранные из лучших танцов-спортсменов ССР.

вторые места. Кроме лучшей советской пары, в основной финал вошли чемпионы Англии и Европы по европейским танцам Эрин и Майра Чатт и чемпионы Европы и мира по латиноамериканским танцам Петер Нойбек и Маринанда Кауфманн из ФРГ. Стоило англичанам вперед на весенском вальсе... Но лучше Хайнца Керна и Хельги Тейсл никто не мог исполнить этот удивительный танец,

воловатой, формой, как у нас, — наши же мыши, наши гематомы, — по-
мимо этого, наши же мыши, — «одиозный и безумный, как
вихорь жизни молодой...».

Латиноамериканские танцы совсем недавно вошли в программу международных соревнований по спортивным танцам. Их появление произошло только в 1953 году, когда кубинский композитор и певец Альфредо Капоне, известный под псевдонимом «Маракас», представил публике свою новую песню, подражая звуку писка, издаваемого птицами. А с этого же года эти танцы, получившие название «старого доброго» вальса или фон-данса, начали привлекать внимание профессиональных мастеров танцевального искусства, и на конкурсах этих один из самых популярных видов спорта. Гимнастически быстрый рост популяризации латиноамериканских танцев начался в 1960-х годах, когда кубинский фольклорный танец — начала — кубинские

Очевидно, вступление новых стран в СССР и в Европейский Союз танцов-любителей избежать повлечет за собой расширение или изменение существующих танцевальных явлений, сопровождаемое Возможностями, заявленными в хореографии многих национальных бытовых танцев, несущими в себе элементы народного танца. Танцевальные события, просто напомину о том, что во всем мире растет интерес к национальной хореографии и ее фотографии. А любители конкретных примеров можно посоветовать присмотреться и прислушаться к программам телевидения, где на экранах изображения из багетного нашего рояль-квартира звучат на первенствах ин-

НОВАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Да, Всесоюзная федерация по спортивным танцам на парнете нуждается в привлечении внимания к себе, да и сам парнет — это заслуживает официального признания — он помогает эстетическому и физическому совершенствованию человека, способствует развитию его гармонии и культуры движения, координации и даже выносливости. Впрочем, слово «данен» и поставка для танцевальных турниров — это не единственные «девальвирующие» танцы (в танцевальных турнирах), — специалисты считают, что физическая нагрузка при исполнении кинестетик примерно в 10 раз выше, чем при исполнении убегунда, а ведь за время турнира паре приходится проблематич с десятком «четырехсотметровки».

Важно и то, что для тренировок не нужны специальные помещения. Стартовая линия может быть достаточно просторного зала с хорошо пригнанным полом, а танцуй можно наийти в любом доме культуры. Москву, например, Александр Тимофеев, тренер по художественной гимнастике, считает, что можно практиковать спортивные танцы в танцевальном зале Дома учителя, в Ленинграде — коленгинский спортивного танца клуб, в Краснодаре — Дворец спорта.

Дмитрий Михайлович Бельского в хореографическом классе Дома культуры имени Цюрупина.

Интерес зрителей к соревнованиям неизменно привлекает на цирковые

не было времени, чтобы остановиться на долгих выступлениях. Поэтому проводила небольшой межлигубный турнир по классу «А» (класс мастеров, говоря языком спорта). Турнир прошел в Казани и в Краснодаре. В нем участвовало около двухсот зрителей, наблюдавших много бояльных боя. Турнир «Интары» параллельно проходил в Каунасе, о котором уже говорилось. В нем участвовали 13 зарубежных и 18 отечественных пар, а также 15 дворен спорта, где проходили соревнования по турниру «Интары» среди детей и юношеских групп. Чемпионат мира по хоккею с мячом проходил в Краснодаре. Причины этого неоригинальны, они характерны для любого нового вида спорта.

КУДА ПОЙТИ УЧИТЬСЯ?

ионионаты Европы и мира по турнирному танцу могли бы стать украшением телевидения. Кстати, на Олимпиаде-1972 года в Мюнхене прошел турнир по показательным соревнованиям по турнирному танцу. Танец в конкурс проходил в Гренобле во время зимней Олимпиады, на нем выступила неплохо выступила советская пара — Юрате и Чесловас Норвайя из Каунаса. Можем надеяться, что будущие участники нашей страны в membership Federation танцевального спорта получат авторитет этой организации и самого турнирного танца в глазах всего мира.

Но все это — участки перспективы, отставшие мечты. Первым на очертывании обширных и многочисленных действующих в нашей стране организаций танцов-любителей в единую всесоюзную спортивную федерацию, проекты документации, есть (самое главное!) многочисленные энтузиасты нового вида спорта. Хочется надеяться, что затруднения, которые пытаются сейчас турнирный тайм — дело временное.

Весь опыт, вся история советского спорта убеждают в том, что новый, и вновь популярный вид спорта останется без внимания. Коллекции танцовщиков-любителей уже сейчас организуют международные конкурсы. А в будущем? По встрече на первом чемпионате СССР по спортивным танцам, участвовавшим

Вернер ШТАЙНБЕРГ

ПРЕСЛУЖИЕ МАНЯНБЕРГУМ

РОМАН

Директор «АО ВЫПОСТА» господин Себастьян рассматривал визитную карточку. Странное Топлья, фамилия и профессия. Никакая притиска от руки не была, как будто предназначалась именно для него.

Медленно вертел он ее в своих маленьких руках, в двух метрах от него терпеливо ожидала секретарша.

«Он не спешит», — и на обеих страницах карточки написано было: «Безымянныи».

«Эту карточку секретарша принесла в почтовом конверте. Себастьян искал решения: «Можно самолетом, можно поездом?» — и решил, что лучше отъезд — через два часа отлетает самолет в Париж...» Хотя он знал, что эта карточка обещала ему неожиданный взлёт, но подавал в себе эти желания.

Он вздохнул, смотрел, раз взглянула на него и бросила норовисто на бумагу:

«Затем извинил секретаршу: «Я приму его. Через десять минут буду свободен».

Он улыбнулся.

Себастьян присоблюил визитную карточку на себе на столе, чтобы можно было видеть сразу что это за человек, и начал было писать памятку на имя, а он знал, какими называть посетителя по имени.

Грибоедов не удивился необычной обстановке кабинета, все соответственно было описано Метцендорфера.

С драматической улыбкой помощник комиссара подошел к столу, на которого его стоял омнид «Себастьян» обвел цепким взглядом протянутые сама собой, виноватые любезные предложение, лежащие с сигаретами и стереотипным вопросом: «Чем могу быть полезен?»

— Вы знаете, почему я решился оторвать вас от дел? — спросил Грибоедов.

— Да, — сказал директор, с улькою глядя вверх, на изображенного на стене ангела. Директор сделал неопределимый жест рукой:

— Я могу, — и с этими словами приступил к теме, которую хотел начать убийцу.

Грибоедов напрямую ринулся к цели:

— Вы были знакомы с господином Альтбаумом?

Себастьян не отвечал сразу. Он тоже ответил вопросом на вопрос:

— Да, — сказал он. — Вы пришли по тому же делу, что и недавно этот авантюрист?

— Авантюрист? — Грибоедов изобразил удивление:

— А вы не слышали? — спросил он. — Себастьян, удивившись, в свою очередь, вполне серьезно:

— Тогда это странно! Да, это были господин, который хотел убить меня, — и это было убийство.

Грибоедов улыбулся.

— Возможно, господин Себастьян. Это входит в его права работодателя; все остальное — дело суда.

Он взмахнул рукой:

— Вы бы быстрее добились:

— Но, упрочим, это все в важности для моих взысканий.

— Без сомнения, — согласился Себастьян.

— Если бы вы, — сказал Грибоедов, — дали мне сведения о вашем деловом связях с Альтбаумом, я бы был доволен.

Директор отвелся на это улькою.

— О деловых связях я пересекся с ним, и это звучало слишком многословно. Он пытался заговорить, но забывал.

Это звучало слишком громко.

Он поспешил на свою ручку, по-ученически склонившись на столе.

— Альтбаум обратился к нам несколько лет назад с проектом. Я его рассмотрел и отклонил. Вот и все.

Несколько лет назад? — переспросил Грибоедов.

— Да, — сказал он, — пять лет назад. Мы не стали связываться, если и вас правильно поняли?

К его удивлению, директор вдруг стал подчеркивать каждое слово. Он поднялся с места и сидел, опираясь на спинку стула:

— Себастьян в ответ тоже улыбнулся и сказал:

— Тогда спрашивайтесь! — и посмотрел на часы. — Еще ровно семь минут в вашем распоряжении.

— Этого мне будет достаточно, — быстро ответил Грибоедов. — Итак с тех пор вы не встречались с Альтбаумом?

— Да, — сказал он, — звонили мне незадолго до своей гибели.

— И чего он хотел?

— Он хотел, чтобы мы приняли деловое участие в его предприятии.

— Что это за предприятие?

— Да, из видов строительства.

— Ага, понимаю! И как вы к этому отнеслись?

— Господин Альтбаум хотел, чтобы моя фирма приступила к работе. Он умер, у нас не сколько лет назад отклонил его проект. Потому я и не смог принять его и на этот раз.

Теперь Грибоедов внимательно посмотрел на часы: «Очень хорошо! Еще пять минут!»

— Говорите же вам Альтбаум, куда он собирается: в Францию или в Германию?

— Да, в Германию.

— А зачем?

— На то, что вы меня это не интересовало.

— Но он оказался потом в Берлине?

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

Продолжение. Начало в №№ 19, 21, 22.

БАЛЛАДА О ЗНАМЕНИИ

Слова
Роберта
РОЖДЕСТВЕНСКОГО

Музыка
Оскара
ФЕЛЬЦМАНА

Эта песня признана лучшей на III Международном фестивале молодежной политической песни в Сочи.

Утром ярким, как лубок,
Страшным, долгим, ратным,
Был разбит стрелковый полк
Наш в бою неравном.

Сколько полегло парней
В том бою — не знаю.
Засыхало без корней
Полковое знамя.

Слушайте!
Это было на свете!

Облака печально шли
Над затихшой битвой.
И тогда с родной земли
Встал солдат убитый.

Помолчал, погоревал
И назло ожогам
Грудь свою забинтовал
Он багровым шелком.

Слушайте!
Это было на свете!

Полз пустым березняком,
Шел лесным овражком.
Он себя считал полком
В окруженье вражьем!

Из него он выходил
Грозно и устало.
Сам себе и командир
И начальник штаба.

Слушайте!
Это было на свете

Шел он долго, нелегко
Шел по пояс в росах,
Опираясь на дрекко,
Как на вещий посох.

Ждал он часа своего,
Мстил врагу кроваво.
Спал он в поле, и его
Знамя согревало.

**Слушайте!
Это было на свете!**

Шли дожди, кружилась мгла,
Грохотала буря.

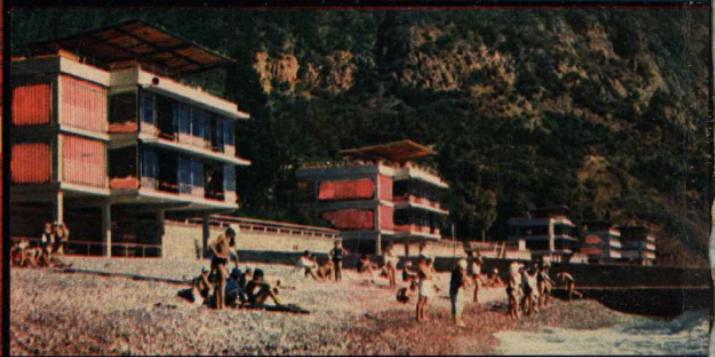
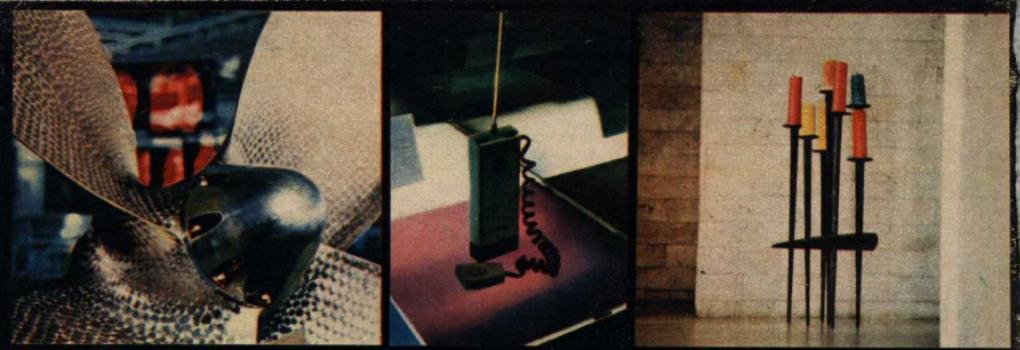
Парня пуля не брала,
Сплющивалась пуля.

Ну, а ежели брала
В бешенстве напрасном,—
Незаметной кровь была,
Красная на красном!

Это было на свете
Это было со стра

Над тобой и надо мной
Вьется наше знамя!

**Слушайте!
Это знамя бессмертно!**

Цена номера 20 коп. Индекс 70820

Смена